

"ДИАГНОЗ: НЕ ЖЕНАТ. ОПАСНЫЕ ТАЙНЫ"

Александра Шервинская

Диагноз: не женат. Опасные тайны

«Автор»

2023

Шервинская А.

Диагноз: не женат. Опасные тайны / А. Шервинская — «Автор», 2023

Любите ли вы романтическое фэнтези так, как вынужден любить его я? Отборы невест и любовные треугольники, эльфийские интриги и таинственные артефакты, нахальные фамильяры и говорящие призраки - всё это вызывало у меня раньше только язвительную усмешку. «Всё это чушь и романтические бредни! В жизни такого просто не бывает!» — насмешливо рассуждал я, пока одна очень обидчивая ведьма не прокляла меня. И теперь я, император Эдуард II, вынужден не только прожить чужую жизнь и разобраться с десятком невест, но и исправить допущенные предшественником ошибки, помочь тем, кто попал в загадочную историю с двойниками, вернуть на престол блудного эльфийского принца, раскрыть тайну зловещей Башни и, если повезёт, то найти ту самую...единственную...Первая книга дилогии.

© Шервинская А., 2023

© Автор, 2023

Александра Шервинская

Диагноз: не женат. Опасные тайны

Глава 1

Эдуард II

Тончайший белоснежный фарфор на шелковой скатерти цвета тёмного шоколада. Цветы в нежной хрустальной вазе. Абсолютно мужской букет – никаких роз, только лиловые ирисы и несколько белоснежных нарциссов. Строго, лаконично, изящно.

Над чашкой витает восхитительный аромат только что сваренного кофе, и я, не удержавшись, делаю маленький глоток, прекрасно понимая, что напиток ещё не успел остыть и наверняка обожжёт мне губы. Но сдерживать свои желания не хочется совершенно. Я вообще не очень привык это делать, если уж откровенно. Не царское это дело – отказывать себе. Причём не царское, точнее, не императорское – в самом прямом смысле этого слова.

Представляться, наверное, не буду – вряд ли во всей Империи найдётся человек, который меня не знает. К нелюдям это, впрочем, тоже относится. Но если вы вдруг забыли, как моё императорское величество выглядит, – достаньте золотой и посмотрите. В последней партии я особенно удался: такой орлиный профиль, любо-дорого посмотреть. У вас нет золотого? А что вы тогда вообще здесь делаете? Вперёд, работать, а не подсматривать за Императором. Это только мне можно. Мне вообще всё можно, и иногда это утомляет.

Задумавшись о тяготах императорской жизни, я вышел на балкон, прихватив чашечку с великолепным кофе. Эта капля кардамона – чудо что за идея! Полной грудью вдохнув свежий воздух, я на несколько секунд прикрыл глаза, просто наслаждаясь столь редким, особенно в последнее время, состоянием покоя. Ветер нёс из долины аромат цветущих яблоневых садов, а навстречу ему из предгорий душистой лентой струился запах тающего весеннего снега, прихватывая по пути терпкую нотку ярких первых амортелий, за букетик которых некоторые горожане готовы выложить кругленькую сумму. Ещё бы – их выращивают горные орки, существа в принципе не то чтобы злобные, просто на вид не очень приятные. И амортелии они выращивают и продают ровно на ту сумму, которая необходима им для скромного существования, то есть – очень мало. А желающих порадовать очаровательных дам – очень много! Поэтому маленький букетик этих цветов стоит в сезон как неплохой жеребец, а в остальное время – как не очень скромное кольцо. Но когда настоящего мужчину, который хочет произвести впечатление, останавливали такие мелочи!

Впрочем, всё это лирика, а проза жизни состоит в том, что начинается очередной день, третий день моей «новой» жизни, и именно сегодня я с прискорбием должен объявить о том, что закончился длительный период траура по так не вовремя почившему папеньке, и я как наследник заявляю о своем возвращении к нормальной светской жизни. И, как следствие, через две недели даю первый в целой череде торжеств бал. А также сегодня будет объявлено, что в течение ближайшего года я обязательно выберу себе супругу, то есть будущую императрицу, чтобы непременно обеспечить трон наследником, а лучше – парочкой. Эх... Ну и заодно постараюсь присмотреть супруга дражайшей сестрице, дабы она тоже не расслаблялась. Элиза, правда, пока не в курсе того, что её беззаботной жизни приходит конец, но я – человек эгоистичный и страдать в одиночестве не намерен. Если мне придётся жениться, то и она пускай замуж выходит.

Мои неторопливые и достаточно пессимистичные философские размышления были безжалостно прерваны появлением на моём балконе Фердинанда Арьего, графа Гринвельского, или для своих – Дина. Только не спрашивайте меня, кто такой Дин, иначе я уж точно заподозрю в вас шпиона, так как в нашей Империи его знают ничуть не хуже меня. Всё-таки мой

Первый советник – не самый незаметный человек в государстве. И только ему позволено вот так, без предупреждения, появляться возле меня.

– Ну что? Нашёл? – я спрашивал больше для порядка, так как по уставшему и расстроенному лицу Дина сразу понял, что и в этот раз поиски оказались безрезультатными.

– Нет, и даже следов никаких. Третий день обшариваем всю империю. Никто ничего не слышал, не видел, не знает. А здесь как? Без изменений?

Я мрачно покачал головой, подтверждая его худшие подозрения.

– Не знаю, ещё не выходил, но почти уверен, что лучше не стало. Но, Дин, еще несколько месяцев этого романтического дурдома – и я лично перебыл всех ведьм в Империи и близлежащих государствах: старых, молодых, красоток, страшилищ – всех, лишь бы не пропустить её. Демоны! Ну почему я тогда не промолчал? Кто меня тянул за язык?

Дин от ответа деликатно воздержался, потому что сказать было нечего: во всём случившемся виноват исключительно я сам! Вы ещё не в курсе? Ну, разумеется, раз вы ещё живы и не в ссылке: всех свидетелей того разговора я на следующее же утро или спровадил подальше, или... совсем подальше. Но это только тех, кто категорически не умел и не хотел держать язык за зубами, остальные мирно осваиваются в новом для себя обществе далеко от Империи, я бы даже сказал – очень далеко. Но зато не на кладбище и не в фамильном склепе! Это главное, мне кажется.

В тот вечер, три дня назад, мы собрались весёлой компанией за парой... ну хорошо, не парой, чуть побольше... бутылочек коллекционного эльфийского: мы с Дином, сестрица Элиза с парой фрейлин и ещё несколько молодых аристократов, из особ, так сказать, допущенных в ближний круг. Разговоры, как всегда, велись обо всём и ни о чём, и одна из элизиных придворных дам начала рассказывать содержание какого-то модного романа из тех, что так нравятся девочкам от пятнадцати до девяноста пяти. Конкретно этот роман, как сообщила нам таинственным шёпотом восторженная барышня, сочинила какая-то писательница, у которой в подружках числилась могущественная ведьма. А может, сама ведьма и написала в перерывах между засушиванием мышиных хвостов и выведением бородавок – история запутанная и покрытая тайной. Но дело не в этом, а в том, что по ходу рассказа, которому, затаив дыхание, внимала вся женская часть посиделок и даже часть мужской, я начал высмеивать эту романтическую чушь, утверждая, что ни одно из описываемых событий никогда не происходило, потому что такого бреда в жизни не бывает от слова совсем. Меня пытались остановить, барышни обижались, но коллекционное эльфийское – сами знаете, штука коварная. Не знаете? Ну, что скажу... повезло вам...

И вот, когда я в очередной раз раскритиковал поворот сюжета, которого быть попросту не могло, что-то гроыхнуло, и возле нас возникла рассерженная элегантная дама средних лет в традиционной ведьминской шляпе набекрень и с чёрным злющим кошаком на плече.

– Ах, значит, не может быть? – она сердито фыркнула, поправляя шляпу, а кошка зыркнул на меня зелёными глазищами и зашипел, демонстрируя острые зубы. – Не бывает? Бредятина? Чушь собачья? – при слове «собачья» кот издал утробный мяв и сиганул с плеча ведьмы в никуда. В том смысле, что с плеча он спрыгнул, но на пол не приземлился – просто растаял в воздухе.

– Вы, драгоценная, собственно, кто будете? – попытался проявить чудеса вежливости Дин, но... вы помните, да? Оно самое, коллекционное эльфийское...

– Мальчик, не мешай, а то и тебе прилетит, – ведьма даже не повернулась в его сторону. – Даю тебе последний шанс, Эдуард, потом отыграть назад уже не получится. Признайся просто, что был неправ и погорячился, так говоря о событиях, описанных в этой, без преувеличения, чудеснейшей книге.

– Чудеснейшей? Погорячился? – от растерянности я обнаглел больше обычного, но вы и меня поймите: не каждый день невеста откуда-то ведьмы с котами сваливаются. – Да я ещё пре-

уменьшил всю абсурдность. Что там за император – тряпка какая-то, не может с претендентками на собственную тушку разобраться: не мужик, а демоны знает, кто! А этот отбор вообще – мечта шизофреника. Вы себе представляете магические испытания и откат после них? А они у вас там чуть ли не каждый день, причём не для опытных магов, а для трепетных барышень, ну бред же... А Академия магии, в которую, как кажется, собрали всех недоумков по всему государству, словно специально искали? А ведь это серьёзное заведение, по идее-то. А балы? У них там что, служба безопасности вообще мышей не ловит? Ну кто так работает? А...

Продолжить гневный монолог мне просто-напросто не дали. Ведьма вытащила из кармана какой-то амулет, шепнула над ним пару слов, повторить которые я не возьмусь даже под страхом смерти, и топнула ногой. Амулет под ошарашенными взглядами присутствующих рассыпался в пыль, которая мгновенно рассеялась в воздухе. Потом ведьма злорадно посмотрела на меня и чётко, так, что буквально каждое слово отпечаталось в моей многострадальной голове, сказала:

– Ты всерьёз рассердил меня, Эдуард, своей заносчивостью, неуважением к прекрасному и легкомыслием. Ты взялся рассуждать о том, в чём не смыслишь абсолютно ничего. Ты посмел нелестно отозваться о самом замечательном романе последнего десятилетия. И будешь за эту наглость наказан: с завтрашнего дня твоя жизнь изменится. Ты сам проживёшь все те события, над которыми так опрометчиво посмеялся. Тебе достанется всё: и Отбор невест, и бестолковая ведьмочка, и интриги, и козни эльфов, и призраки, в общем, всё, что только встречается в тех романах, над которыми ты так неосмотрительно издевался. Позволяю оставить одного помощника, да хоть вот этого красавчика (взмах руки в сторону Дина), а фамильяром потом сам обзаведёшься, не маленький. Отменить проклятье могу только я. Если, конечно, захочу. Прощай, Эдуард! Нескучно оставаться!

С этими словами ведьма медленно растаяла в воздухе, оставив после себя лёгкий, чуть пряный, цветочный аромат дорогого парфюма, такого, какой можно достать только в Старом Лесу, да и то исключительно по знакомству. Ну ничего себе – возможности у дамочки...

Настроение было подпорчено, комментировать дальше романтические бредни было скучно, обсуждать ведьму – опасно, пить эльфийское – к раннему алкоголизму. Поэтому я, попрощавшись с Дином и элизиной свитой, отправился спать. Естественно, ни на секунду не поверив в угрозы. Что там эта сумасшедшая говорила? Отбор? Чушь какая, кто меня заставит-то? Фамильяр? Мне? Я вам что – ведьма какая-то недоученная? Я, на секундочку так, Император. Вот именно так – с большой буквы «И». И никак иначе!

А утром меня ждал сюрприз, я бы даже сказал – сюрпризище. Проснувшись и осознав, что, несмотря на количество выпитого вчера, голова совершенно не болит, я с наслаждением потянулся и только было собрался встать и заняться неотложными делами, которых, как всегда, накопилось великое множество, как ко мне в спальню ввалился взбешённый Дин в ярко-лиловом камзоле, из-под которого виднелась пена нежно-лимонных кружев рубашки, и в бриджах на полтона темнее камзола.

– Ну что, твоё императорское величество, довыдывался? – прерывающимся от ярости голосом практически прошипел он. – Как тебе мой костюмчик?

– Непривычно, но ничего так... свежо, – дипломатично ответил я, прилагая титанические усилия к тому, чтобы не заржать в голос, до того нелепо выглядел Дин в этом чудовищном наряде. – А что случилось-то? Откуда такая внезапная тяга к гламуру? Чем тебе прежние костюмы не угодили?

– Мне?! – Дин, всегда, сколько я его помню, предпочитавший в одежде радикальный чёрный цвет, ну, в крайнем случае, тёмно-синий, бешеным тигром заметался по комнате. – Меня всё... заметь, абсолютно всё устраивало! Это я тебе хочу сказать своё большое, вот прямо огромное человеческое спасибо!

– А я-то здесь каким боком? – я действительно не понимал, в чём провинился. Не вообще, а в данной конкретной ситуации. – Не просветишь меня? А то я как-то, чувствую, не в теме...

– С удовольствием, – прошипел Дин, напоминающий расцветкой камзола и пышным жабо куст сирени и клумбу с нарциссами одновременно, – надеюсь, ты помнишь, чем закончилась наша вчерашняя пьянка?

– Конечно, – я поёжился от достаточно смутных, но всё же почему-то неприятных воспоминаний, а также от холодящего кровь предчувствия не просто большой, а колоссальной подставы.

– Ну так вот, – Дин наконец-то перестал метаться по комнате и рухнул в кресло, моё, между прочим, – сегодня утром я открыл шкаф, чтобы взять свежую рубашку и чистый камзол. И знаешь, что я там увидел?

– В шкафу? Ну... дай подумать... Скелет? – мрачно попытался пошутить я, без особой надежды на то, что шутка найдёт благодарного слушателя. Так и вышло: вместо того, чтобы улыбнуться, Дин смерил меня почти ненавидящим взглядом.

– Я нашёл там два десятка вот таких вот, – он с отвращением ткнул пальцем в бриджи, – мерзких... безвкусовых... отвратительно ярких комплектов. Этот ещё наиболее приличный из того, что там было.

– Не нравится – не носи, в чём, собственно, проблема-то? – я непонимающе пожал плечами, – Сними это чудо дизайнерской мысли и выброси. Или отдай кому-нибудь...

– Не могу! – в голосе Дина зазвенели истеричные нотки, и вот это не просто настораживало, это реально пугало. – Не могу, понимаешь?! Стоит мне его снять и надеть что-нибудь приличное, нормальная одежда тут же меняет цвет. Сама! И ни одно, ты слышишь, императорская твоя морда, ни одно заклинание на эту сволочь не действует! А знаешь, почему?

– Почему? – обречённо спросил я, уже зная, что услышу в ответ.

– Именно поэтому! – по моему расстроенному лицу Дин догадался, что я таки сумел сложить два и два. – Потому что на ведьминские проклятья обычная магия не действует! Вообще! Абсолютно!! Совершенно!! И я не могу избавиться от этой пакости, хожу, как комедиант, как персонаж дешёвой балаганной пьески! Но самое страшное не это, Эдуард. Самое страшное другое...

– Не нагнетай, у тебя и без того уже прекрасно получилось меня напугать, – я с опаской посмотрел на Дина, ожидая от него шокирующих откровений, и, к сожалению, не ошибся.

– Самое страшное – это искренний восторг в глазах жены графа Джонатана, леди Матильды, с которой я столкнулся по пути сюда. И знаешь, что она мне сказала, эта чудесная дама более чем почтенного возраста?

– Я бы, конечно, предположил, что она сказала тебе «доброе утро», но в свете последних событий мой оптимизм как-то быстро и без боя сдаёт позиции...

– Она воскликнула: «О Боги! Лорд Фердинанд! Как же вам идёт новый костюм! Вы в нём ну точь-в-точь граф Бурже из романа «Вальс над пропастью»! Я недавно читала, так проплакала всю ночь! Так переживала за него, так переживала! Но, слава всем богам, дело закончилось свадьбой, так что всё хорошо!» Ты улавливаешь, Эдди?

Я молча посмотрел на Дина, на его осунувшееся лицо и понял ужасную вещь: он меня не разыгрывает. Эта чокнутая ведьма действительно меня прокляла, ну и Дин под раздачу попал за компанию со мной. Я молча встал и направился к гардеробной, решительно распахнул дверцы и с облегчением выдохнул: моя одежда по-прежнему была в наличии, хотя её и стало почему-то значительно больше, а жизнерадостная цветовая гамма наводила на определённые размышления. Но, не заметив при беглом осмотре ничего особенно криминального, я повернулся к Дину.

– И в чём прикол? Почему ты должен носить одежду такой, уж прости, дружище, странной расцветки? Или это сейчас так модно, и я просто слегка отстал от жизни?

– Эдуард, ещё слово, и я вызову тебя на дуэль, и плевать, что ты император, – Дин предупреждающе прищурил глаза, – давай лучше думать, что делать. Я, знаешь ли, морально не готов всю оставшуюся жизнь изображать из себя цветущую клумбу. И что-то подсказывает мне, что это ещё далеко не все сюрпризы.

Не успел он договорить, как дверь тихонечко приоткрылась, и в спальню быстрой тенью скользнул Антонио, мой камердинер, уроженец южных провинций, славящихся своими виноградниками, бывший военный, человек, заменивший мне вечно занятого государственным делами отца, и по сути дела вырастивший меня. Выйдя в отставку, он сам захотел остаться при мне и последние годы занимал должность не то камердинера, не то дворецкого, не то телохранителя, не то доброго, но строгого дядюшки. От Тони у меня, да и у Дина, которого отставной вояка тоже знал практически с пелёнок, секретов не было. Мы оба любили старика и прощали ему и язвительность, и абсолютное отсутствие почтения к императорскому титулу.

– Антонио, доброе утро, – я кивнул поклонившемуся камердинеру, – вели подавать завтрак в кабинет, мы с Дином перекусим по-быстрому. Много там народу жаждет моего драгоценного императорского внимания в рамках утреннего приёма?

Но Антонио не ухмыльнулся в ответ, как обычно, на моё традиционное утреннее ворчание, а на полном серьёзе принялся отчитываться:

– Ну так ясное дело, что много: такое событие! Впереди всех управляющий, само собой, этот никого не пропустит, да оно и понятно, ответственность-то за подготовку на нём лежит. И казначей там с кучей бумаг, и от купеческих гильдий представители, и начальник охраны твой чуть не с рассвета очередь занял, так что ты ешь быстрее, а то жалко их – с утра раннего стоят, ждут. Да ещё портные, парочка модисток, те, что посмелее да понастойчивее, – тут Тони хитро подмигнул Дину, – а хорошенькие до чего! В твоём вкусе, Фернандо!

Мы ошарашенно переглянулись. Тони всегда сокращал полное имя Дина на южный манер, причём сам Дин никогда не возражал, и у меня было впечатление, что ему даже нравится этот вариант. Но сейчас дело было совершенно в другом: во-первых, даже зная о нашем к нему отношении, Тони никогда раньше не позволял себе подобной фамильярности, а во-вторых, Дин никогда в жизни не увлекался ни модистками, ни певичками, по-честному деля своё внимание между тремя наиболее вменяемыми элизиными фрейлинами. Что вообще происходит, кто-нибудь может мне объяснить?

– Хм...Модистки, говоришь, – Дин внимательно рассматривал Тони, словно перед ним был совершенно незнакомый человек, хотя, если разобраться, то так оно и было: этот Тони был кем угодно, но не тем острым на язык, честным, справедливым, пусть и слишком суровым подчас Антонио, которого я знал почти тридцать лет. – И что, говоришь, прямо-таки в моём вкусе?

– Ну да, – Тони, разговаривая с нами, отдал распоряжения о завтраке на двоих, затем бегло осмотрел помещение, зачем-то заглянул под стол, проверил прочность изящной ажурной решётки, которой было забрано огромное панорамное окно, выходящее в дворцовый парк, сделал несколько пометок в толстом блокноте, который всегда носил с собой, и кивнул каким-то своим мыслям. – Всё как тебе нравится, Фернандо: блондиночки, фигуристые – глаз не оторвать, и хохотушки такие, прям сердце радуется!

– Убейте меня, вот прямо сейчас, – простонал Дин, который из всех разновидностей девушек не мог терпеть лишь одну: фигуристых жизнерадостных блондинок.

– Антонио, прости мне этот, наверное, странный вопрос, но почему ты говоришь, что Дину нравятся такие девушки? Он же всегда любил высоких стройных брюнеток, разве нет? – я чуть ли не умоляюще смотрел на удивлённого Тони, который осуждающе покачал головой и проворчал:

– Говорил я тебе вчера: не берите столько эльфийского, кто его знает, на каких мухоморах остроухие его настаивают? Своих виноградников что ли мало? И вот – уже простых

вещей не помнишь. Эдуардо, мальчик мой, стройные брюнетки всегда нравились тебе, а Фернандо предпочитает аппетитных блондинок. Да и бедняжка Оливия была именно такой, упокой Странник её душу...

– Бедняжка Оливия... – тупо повторил за ним я, с ужасом осознавая, что абсолютно не помню никакой Оливии. Судя по остекленевшему взгляду Дина, он тоже не мог вспомнить ни кто это, ни что с ней случилось. Мы переглянулись и, как всегда, без слов поняли друг друга: нам срочно нужен источник информации, просто жизненно необходим. А то вдруг я выйду в приёмную, а там – сплошь незнакомые мне индивиды, и вместо великолепного барона Тайлинга, честнейшего человека, кстати, место казначея занимает какой-нибудь вор и взяточник. А на месте надёжного, как скала, графа Рангера, ещё при отце возглавившего имперскую службу безопасности, расселся какой-нибудь интриган. Я аж вздрогнул от таких захватывающих перспектив. Да, информация становится жизненно необходима.

– И очень хорошо, Фернандо, что ты снова стал одеваться, как и полагается свободному молодому лорду, а не старому вдовцу, – продолжал методично добивать нас Антонио, – это, конечно, не моё стариковское дело, но третий год тосковать по погибшей жене, даже такой юной и очаровательной, – слишком большой срок для мужчины твоего возраста.

– По чьей жене? – Дин нахмурился и непонимающе посмотрел на Тони.

– По твоей, ясное дело, – Антонио ответил ему таким же недоумевающим взглядом, – по чужой ты бы вряд ли несколько лет стал убиваться. Мы ведь тогда тебя еле выходили – совсем ты плох был, Фернандо, всё рвался на войну какую-нибудь к эльфам или к драконам, чтобы голову там сложить. Уж так ты её любил! Да и не удивительно – славная девушка была леди Оливия, и такая красавица, такая умница! Но ведь жизнь-то не кончается, мёртвым – им смерть, а живым – жизнь. Так исстари повелось, и не нам эти порядки менять. Жалко только, что убийцу так и не нашли, в глаза бы ему, душегубу, посмотреть. Ну да ладно, дело прошлое, чего ворошить-то. Вы ешьте давайте, дела ваши за вас никто не сделает.

С этими словами Антонио распахнул дверь в кабинет, где на столе уже дымились чашки с кофе для меня и с чаем для Дина, умопомрачительно пахла поджаренная ветчина, а булочки призывно красовались румяными боками. Оставшись вдвоём, мы переглянулись, и Дин медленно проговорил:

– Что... это... сейчас... было? Эдди, я ничего не понимаю... Какая Оливия, какая жена? Кто сошёл с ума: мы или Тони?

– Знаешь, – я задумчиво отпил кофе, но даже не ощутил его вкуса, – у меня есть одна версия, но, боюсь, тебе она не понравится. Мне от неё, во всяком случае, очень не по себе...

– Давай, жги, – Дин на всякий случай благоразумно поставил чашку с горячим чаем на стол, а то ведь мало ли... рука дрогнет или ещё что.

– Мне кажется, – медленно начал я, стараясь максимально конкретно сформулировать пока ещё очень невнятные соображения, – мне кажется, что после проклятья ведьмы наш мир изменился. В том смысле, что он стал как-то похож... ну... на тот мир, который бывает в этих идиотских романах. И, боюсь, что наша с тобой биография была тоже скорректирована под новые условия... Вот как-то так, пока более чётко не получается. Другого объяснения у меня нет, к сожалению...

– То есть этот мир – не настоящий? – Дин был предельно собран и сосредоточен. – Это временный вариант? Или? И кто ещё об этом знает кроме нас? Кто в курсе?

– Если бы я знал, – я вздохнул, – и, думаю, мир совершенно настоящий, просто мы с тобой именно в этой его версии никогда не жили. Вернее, жили, но что с нами тут происходило, – это ещё предстоит выяснить. Видишь, ты здесь был женат и овдовел, я про себя пока вообще ничего не знаю кроме того, что я и тут по-прежнему Император. А про то, что он, этот мир, другой, боюсь, знаем только мы. Ведьма прокляла меня, а тебя зацепило рикошетом. Прости, Дин, я не хотел, честное слово...

– Брось, – Дин махнул рукой и даже попытался улыбнуться. Получилось, честно говоря, не очень. – Думаю, ты прав. Это объясняет то, что я иначе одеваюсь, что у меня была какая-то загадочная жена, которую, насколько я понял, убили, но убийцу так и не нашли. И я точно знаю, кто нам нужен.

– Элиза! – воскликнули мы одновременно.

Глава 2

Розалинда

– Роза, что ты там копаешься, как дохлая мышь? – внезапно раздавшийся за спиной шёпот заставил меня подпрыгнуть на месте и чуть не рассыпать мелкие листья коноплянника, которые я терпеливо собирала уже больше часа. С трудом удержав в руках небольшой берестяной короб, который специально носила с собой на случай, если попадётся какая-нибудь полезная травка, я повернулась на голос и увидела торчащую между двух здоровенных лопухов конопатую рожицу Савоси, младшего сына старосты нашей затерянной в лесной глуши деревеньки. – Тебя там дядька Игнат дожидается, давно сидит.

– Посидит твой дядька. А дохлые мыши не копаются, они же мёртвые, – прошипела я в ответ, внимательно осматриваясь, так как единственное место, где в это время ещё не зацвёл коноплянник – старые развалины, от которых даже в полуденный зной тянет могильным холодом. Ужас, до чего неприятное место, но нужная мне трава уже неделю как зацвела во всех других местах, а мне нужны листики и ещё не распустившиеся бутоны – в них самая сила. Здесь же, на холме с руинами какого-то старого замка, холодно и почему-то всегда тень, поэтому всё растёт медленнее и распускается позже. Цветущий коноплянник годится только на веночки, да и те завянут через десять минут. Вроде бы всё спокойно и мирно, но громко разговаривать в этом жутком месте совершенно не хотелось.

– Чего это они не копаются, – тоже шёпотом возразил Савося, – очень даже шустро бегают, я сам видел, когда старый Хорь того мыша оживил. Знаешь, он как быстро потом закапывался, как живой прямо.

В глазах Савоси сияло искреннее восхищение могуществом старого Хоря, который много лет был единственным ведьмаком на несколько окрестных деревенок, пока не подросла я. Как только мои умения достигли уровня, при котором за жизнь обратившихся можно было не опасаться, Хорь с огромным облегчением переложил всё лекарское дело и бытовое ведьмовство на мои пусть и не очень хрупкие плечи и отдался давней своей страсти – изготовлению настоек на разных интересных веществах: от странной светящейся плесени, которая росла у нас на заднем дворе, до молоденьких мухоморов, которые ему корзинками носили заинтересованные лица. Эффект от его продукции был сногшибательным в самом прямом смысле этого слова, а потому настойки пользовались неизменным спросом.

– А зачем Хорь оживлял мыша? – я этой истории не знала, она как-то прошла мимо моего внимания, и теперь с удовольствием бы послушала, так как царящая вокруг тишина начинала действовать на нервы: хотелось бросить и короб, и коноплянник, и побыстрее унести ноги. Тут и всегда-то было очень неудобно, но сегодня вообще – невыносимо. Савося, судя по его беззаботной мордашке, ничего такого мрачного не ощущал и с удовольствием пояснил:

– Дык... на спор. Хорь поспорил с хромым Михаем, что сможет оживить любого зверя, потому что когда-то очень давно учился в этой... как её... а-ка-дэ-ми-и. О как... Жалко только, что из зверья никого крупного и дохлого рядом не было, только мыша и нашли. Хорь его и оживил, всё как договорились. Михай потом ему бочонок мёда принёс – по-честному.

– А закапываться мышу зачем? – продолжала я расспрашивать пацанёнка, лишь бы только хоть чем-то заполнить окружающую меня тишину, которая начинала пугать до потных ладошек.

– Так он же дохлый, – пояснил Савося и посмотрел на меня, как на дурочку, – дохлому – ему в земле завсегда лучше.

А я подумала, что это просто отлично, что никакой крупный зверь не сдох рядом с этими доморощенными некромантами, потому как только бродящего по окрестностям поднятого и потом закапывающегося волка или медведя нам для полного счастья и не хватает. А что мыша оживили – ладно, побегал немного и всё: сколько там в него силы влили-то: каплю.

– Слушай, Савося, а почему я не видела, как они с мышом возились, я бы тоже посмотрела, может, чему поучилась бы, – продолжила я светскую беседу, – или они уходили куда?

– Ясное дело, не во дворе же нежить поднимать, – важно, со знанием дела уточнил мальчишка, – да и тебя Хорь злить не хотел – а то осерчаешь и прилетит ему метлой.

Это да, это я могу, рука у меня тяжёлая, да и характер не сахарный, чего уж тут: могу и метлой, могу и сковородкой, если что не по мне. Хорь уже опытный, так что вполне можно понять его желание спрятаться со своими неоднозначными экспериментами подальше.

– А куда ходили-то? – ощущение надвигающейся опасности стало совершенно невыносимым, и я, предусмотрительно плотно закрыв короб, стала спускаться с холма, стараясь не оступиться: в густой траве было полно обломков замковой стены, которые уже давно вросли в землю.

– Дык... сюда и ходили, – честно глядя на меня ярко-голубыми глазёнками, сообщил Савося, – а чего... от дома близко, и двух вёрст не будет, и не на виду. Самое правильное место, так Хорь и сказал. Мы мыша отыскали, в тряпицу завернули и пошли. Хорь, Михай, я и Васята, кузнецов внучок старший. А после уж, когда мыша отпустили и он закопался, мы домой огородами и вернулись потихоньку.

Я резко остановилась, неверяще глядя на беззаботно перескакивающего с камня на камень Савосю. Это в каком смысле – сюда и ходили? На это место, которое даже среди флегматичных и не боящихся ни Странника, ни Тёмных, ни Светлых богов селян пользовалось дурной репутацией? И Хорь, академик недоученный, отправился сюда поднимать пусть и мелкую, но нежить?! О боги, какие вы только существуете, пусть всё обойдётся, и необдуманный поступок старого ведьмака останется... просто необдуманным поступком. Ну пожалуйста! Но, видимо, боги в данный конкретный момент были массово заняты какими-то делами поважнее, чем просьбы молоденькой, к тому же ещё и необученной ведьмы.

По ногам резко потянуло холодом, да так, что было ощущение, будто я стою босиком на льду. Что-то невесомой белёсой тенью скользнуло мимо меня, лишь слегка зацепив самым краем, но даже от этого мимолётного прикосновения у меня застыло сердце и сбилось дыхание. Савося же продолжал весело прыгать по камням, рассказывая что-то выпавшей из реальности мне. Между тем еле заметная глазу грязно-серая тень скользнула вниз, проплыла до подножия холма и, истончившись ещё больше, втянулась в густой подлесок.

Холод, сковавший все мои внутренности в один ледяной ком, медленно начал таять, но до спокойного состояния было ещё как до столицы пешком, то есть – далеко, а если точнее – очень-очень далеко. Тем более что мне чрезвычайно не понравилось место, где странная тень скользнула в траву: именно в той стороне и располагалась наша небольшая лесная деревенька с экзотическим названием Колдуны. Говорят, название появилось из-за того, что когда-то в незапамятные времена именно здесь жили могущественные ведьмаки и сильные маги, державшие в повиновении все окрестные государства. Я в эту версию не верила, так как объяснить себе, что именно потеряли великие колдуны в нашем ничем не примечательном лесу в таком отдалении от столицы, не могла. Отсюда порталы строить – замучаешься, никаких накопителей не хватит. Зато эта версия вполне себе объясняла наличие древних, таинственных и мрачных развалин, возле которых я и застряла, отходя от мимолётной встречи с чем-то, о чём лучше не задумываться – целее будешь.

Спустившись наконец-то на нормальную тропинку, я поудобнее перехватила короб с ценным лекарственным сырьём и решительно направилась в сторону деревни, убеждая себя, что

ледяной туман мне привиделся и ни с кем ничего не случилось. Савося убежал куда-то вперёд, видимо, сообщить дядьке Игнату, что я таки возвращаюсь.

Подходя ко двору нашего с Хорём дома, я с удивлением увидела не только дядьку Игната, но и толпу селян, которые, бурно жестикулируя, старались перекричать друг друга. Завидев меня, они притихли, а потом вперёд выступила Марьяна, жена старосты, женщина суровая, монументальная и решительная.

– Розочка, – обратилась она ко мне, и я ощутимо напряглась, ибо до сегодняшнего дня Марьяна обращалась ко мне исключительно «Розалинда» или «эй, ты» и старалась свести общение со мной к минимуму, считая всех ведьм развратными вертихвостками и похитителями мужей. Все мои намёки на то, что староста Данила с его животом, лысиной, пятью детьми и самой Марьяной не нужен мне от слова вообще, разбивались о её непоколебимую уверенность в собственной правоте и моей порочности. Так что вот это внезапное «Розочка», мягко говоря, настораживало.

Народ окончательно сосредоточился на моей скромной персоне, а Марьяна сделала решительный шаг вперёд и даже раскрыла объятия, словно желая прижать меня к своей могучей груди. Я отступила, подозрительно глядя на любимых односельчан, и решила уточнить:

– И что у нас тут такого случилось? Что я важного пропустила? И что вы все, позвольте спросить, делаете в разгар трудового дня около моего дома? Дела у всех закончились, я правильно понимаю? Так я сейчас быстренько всем занятие найду, у меня драконий корень как раз заканчивается, накопать надобно, – я сурово глянула на слегка смутившихся мужчин и хихикнувших женщин, ибо настойка драконьего корня исстари использовалась как средство для усиления мужской силы. – А то придёте потом, а зелья-то и нет. Итак, кто тут первый за корнем в лес? Выходи по одному...

– Мы не с этим, – Марьяна снова попыталась ко мне приблизиться, но я предусмотрительно отступила, – Розочка, не уезжай, а? Пушай Хорь вместо тебя едет. Мы тебе и крышу подлатаем, а надо будет – новую настелем, бесплатно, ты не думай. И в трактире скидку постоянную сделаем, верно, Митрий? Верно, я спрашиваю? – поднажала голосом Марьяна, и хозяин единственного в деревне трактира согласно, хоть и без энтузиазма, кивнул.

– Не уезжать – куда? – аккуратно постаралась уточнить я, пока совершенно не понимая, о чём вообще идёт речь.

– Дык... с этой, – влез в разговор вездесущий Савося, кивнув на дом, – она же за тобой приехала, так и сказала. Вернее, Хорь сказал, а он точно знает. Вон, говорят, уже часа два сидят, никуда не выходят. Небось, цену Хорь набивает, не задаром же тебя отдавать. Ты ведьма хорошая, спра-вед-ли-ва-я, – запинаясь, выговорил мальчишка умное слово, – значит, стоишь дорого.

– Логично, – не могла не согласиться с ним озадаченная я, – а кто хоть приехал-то?

– Тётка твоя, – попытался прояснить ситуацию дядька Игнат, а я чуть не выронила короб от изумления, но как-то сумела удержать лицо, – говорит, соскучилась – страсть, давненько не видались. Да и правда, сколько лет ты у нас живёшь, а никаких родичей твоих мы видом не видывали и слухом не слыхивали. Вот, говорит, решила кровиночку навестить, пока, мол, ноги держат. Хотя как по мне, так они её ещё долгонько держать будут... лет триста... Но на всё милость Странника...

Если Игнат и хотел внести какую-то ясность, то получилось у него с точностью до наоборот: дело в том, что никакой тётки у меня отродясь не было, во всяком случае, я о ней никогда ничего даже не слышала, как, впрочем, и о собственных родителях.

– Может, она не меня искала? – мне очень хотелось собрать побольше информации, прежде чем идти знакомиться с внезапно объявившейся родственницей. – С чего вы взяли, что это именно моя тётка? Она что, показала документы?

– Так ведьма ж, – развёл руками Игнат и обернулся за моральной поддержкой к односельчанам, подтвердившим его слова энергичными кивками, – как есть – ведьма. Колпак – во, – тут он широко развёл руки, показывая, какого именно размера колпак у неизвестной мне ведьмы, – кот – во! Чернущие – жуть!

Судя по всему, внезапно возникшая на моём жизненном пути ведьма была владелицей огромного чёрного колпака и чёрного же кота размером, судя по тому, что изобразил Игнат, с небольшую лошадь. Заинтригованная до невозможности, я прошла через суетливо расступившуюся толпу селян и поднялась на ставшее таким родным за прошедшие тринадцать лет крыльцо, у которого я наизусть знала каждую трещинку на ступеньках и каждый сучок на отполированных сотнями ладоней перилах. Глубоко вздохнув, сопровождаемая любопытными взглядами и не подумавших расходиться односельчан, я решительно распахнула дверь.

– А ты, Кэсси? Ты тогда мне что сказала, а? – голос Хоря, непривычно радостный и громкий, доносился из кухни. Оттуда же раздавался подозрительно знакомый стеклянный звон.

– Я? А почему сразу я? Дорогой, тебе просто не нужно было тогда ревновать меня к этому смешному огненному магу, он меня абсолютно не интересовал! – хрипловатый, но мягкий женский голос был мне совершенно не знаком. – И к тому целителю тоже, он ведь эльфом был, а они нас, ведьм, ты же знаешь, терпеть не могут. И к тому боевому магу... хотя нет, к боевому, пожалуй, можно... он был такой милый...

– Вот видишь! – воскликнул Хорь, и затем раздались специфические булькающие звуки. – Давай, Кэсси, за целителей!

– За них мы уже пили, – рассмеялась незнакомка, и её смех серебряными колокольчиками рассыпался по дому.

– Тогда за огненных магов, – не сдавался Хорь, – вот попробуй – такого тебе нигде больше не предложат... Эксклюзив!

Я осторожно заглянула на кухню и увидела радостного Хоря, ради гостя облачившегося в относительно свежую рубашку, и элегантную женщину средних лет, рядом с которой действительно лежала традиционно чёрная ведьминская остроконечная шляпа, а в ногах развалился здоровенный угольно-чёрный кот, посмотревший на меня с абсолютнейшим равнодушием в зелёных глазах: мол, ходят тут всякие... Женщина плавно повернулась ко мне, внимательно осмотрела с головы до ног, и я примерно представила, что чувствует лошадь, которую рассматривает на базаре привередливый покупатель: раздражение, неприязнь и желание сделать какую-нибудь гадость.

– Это она? – женщина закончила изучать мою скромную персону и снова повернулась к Хорю, как-то невзначай забыв поздороваться и представиться.

– Ну так а кто ещё-то? – хохотнул ведьмак, наливая в две стопки жидкость весёленького фиолетового цвета, в которой плавали золотистые искорки. Выглядела она очень красиво, прямо завораживающе, но я-то знала, из чего Хорь её делает, и ни за какие сокровища мира не согласилась бы даже пробовать это жуткое пойло.

– Ну, здравствуй, Розалинда, – вновь повернулась ко мне незнакомка, проигнорировав наполненные стопки, – как же я рада тебя видеть! Я ведь помню тебя совсем крошкой, вот такусенькой...

Тут ведьма показала рукой, какой именно она меня помнит, и мы с Хорём с сомнением переглянулись – я, конечно, девушка не слишком высокая, но такого роста не была явно даже в колыбели. Ведьма в ответ на наши скептические взгляды смущённо кашлянула и подняла руку чуть повыше: теперь её ладонь показывала примерно сантиметров пятьдесят от пола. Ну... допустим... и что дальше?

– Ты меня, наверное, совершенно не помнишь, да? – незнакомка добавила в голос сладких сентиментальных ноток, но, видимо, поняв, что никто не собирается бросаться ей на шею

с восторженными ахами и охами, перешла на более деловой стиль общения. – Ну и ладно, дело не в этом. Я приехала сюда, Розалинда, именно ради тебя, представляешь?

Я не представляла и поэтому предпочла снова промолчать, продолжая рассматривать внезапно обретенную «родственницу». Её, судя по всему, начало слегка раздражать моё упорное молчание, и она бодро продолжила:

– Я хочу забрать тебя с собой. Мне нужна... вернее, не совсем мне, но это пока не существенно, нужна ведьмочка твоего возраста, твоей... хм... внешности и твоего уровня интеллекта, ну и твоей степени обученности. Я не слишком сложно выражаюсь?

– А что вас не устраивает в моей внешности? – решила поинтересоваться я, умышленно не реагируя на шпильку об обученности и интеллекте, чем явно порадовала странную гостью.

– Вот! Молодец! Умничка! Правильная ведьма не терпит критики, особенно в том, что касается внешнего вида! Ничего, мы ещё сделаем из тебя красавицу...

Я иронично подняла бровь, без слов демонстрируя своё отношение к сказанному, но от комментариев снова воздержалась. Не могу сказать, что слова незнакомки меня как-то задели: от недостатка внимания со стороны парней я никогда не страдала. От неведомых родителей мне достался невысокий рост, пышная фигурка с аппетитными выпуклостями в стратегических местах, светло-серые глаза и густые каштановые с лёгкой рыжиной (как у всех ведьм) волосы, как правило, заплетённые в толстенную косу. Самая обычная, в общем-то внешность, но мне – нравилась, впрочем, не только мне. Красавец-плотник Матвей даже делал многозначительные намёки насчёт того, что в новом доме ему и хозяйка не помешает. И нечего тут всяким ... родственникам... критику разводить.

– А что до талантов, так тебе многого и не надо, – продолжала вещать гостья, – там, куда я тебя отвезу, тебя всему научат, чего ещё не умеешь. Главное – чтобы способности какие-никакие были. Они же есть, верно?

– Да так себе, не то чтобы совсем ничего, что-то есть, но больше к целительству, ведьмовских сил, почитай, и нет совсем, – равнодушно ответил Хорь и, встав, чтобы достать с полки очередную бутылку с экспериментальным содержимым, вдруг повернулся ко мне и, бросив внимательный взгляд на гостью, которая с сомнением принималась к фиолетовой настойке, едва заметно качнул головой, явно на что-то намекая. Понять бы теперь ещё – на что именно. Одно стало ясно – своей знакомой Хорь не слишком доверяет и старается меня о чём-то предупредить. Следовательно, пока надо попытаться ему подыграть, потому что Хоря я знаю очень давно и за все эти годы видела от него только добро, а эту тётку вижу в первый и, хотелось бы верить, в последний раз.

Талантами, конечно, мои способности назвать сложно, но и сказать, что их нет – это погрешить против истины. Бытовым ведьмовством я владела на очень достойном для нашей глубинки уровне (а то, что у нас с Хорём крыша на вид совсем никакая – так это ж на вид, иначе замучаешься всем избы чинить). Да и с целительством тоже всё было очень даже неплохо, поэтому откровенное занижение Хорём моих способностей явно было неспроста.

– Уф...Своеобразно! – мадам таки опрокинула в себя фиолетовую настойку и теперь ошалело моргала, видимо, стараясь осмыслить ощущения. – Забористая, однако...Нет, зря ты в своё время отказался от места на кафедре алхимии, ох, зря... Такой талант пропадает!

Хорь безразлично пожал плечами и снова внимательно посмотрел на меня, словно проверяя, заметила ли я его мимолётную подсказку. Я едва заметно кивнула, и увидела, как он чуть заметно вздохнул с облегчением.

– Собирайся, чего стоишь, как просватанная, – неожиданно обратилась ко мне ведьма, – настойки, конечно, хороши, но расслаиваться мне тут некогда, своих дел невпроворот.

– Ага, – я кивнула, даже не пытаясь изображать любезность, – сейчас, только тапки подберу – и сразу. Дел, говорите, невпроворот – так в добрый путь, любезнейшая! Вас сюда никто

не звал, и вас тут, собственно, никто не держит. Я вообще, если честно, не очень понимаю, что привело вас в наше скромное жилище.

– Сон мне был, – помолчав, недовольно буркнула ведьма, стрельнув взглядом в Хоря, – мол, надо навестить старого друга, познакомиться с его... воспитанницей и забрать её в Лесную Академию. Учиться.

– Зачем? – абсолютно невозмутимо поинтересовалась я, не собираясь отправляться ни в какую академию. – Меня всё вполне устраивает. У вас на этом всё?

– Кассандра, и вправду – зачем тебе Роза? Да ты только свисти – от желающих учиться в Лесу отбоя не будет, а девочке и здесь неплохо, – Хорь сбросил маску сельского ведьмака, предпочитающего всему остальному крепкую мухоморовку, и тоже внимательно смотрел на гостью, приобняв меня за плечи. – Она мне как дочь, так что я не готов отпустить её неизвестно куда, даже с тобой. Особенно – с тобой!

Кассандра (теперь хоть знаю, как её зовут!) помолчала, потом сама налила себе какой-то на этот раз ярко-оранжевой жидкости из очередной бутылки, залпом выпила, безуспешно попыталась вдохнуть, занюхала любезно подsunутым Хорём кусочком вяленого мяса и слегка осипшим голосом проговорила:

– Бывает так, что один небольшой необдуманный поступок становится началом целой череды изменений, которые затрагивают все пласты реальности, и в такие времена нельзя игнорировать вещие сны, тебе ли мне это рассказывать? – она внимательно посмотрела на нахмурившегося Хоря. – И если мне было видение о том, что Розалинда должна уехать – значит, она уедет, чего бы мне это ни стоило. Ты меня понимаешь?

Хорь мрачно кивнул, чуть сильнее сжав моё плечо. Он старательно избегал моего взгляда, и я совсем уж было собралась, наплевав на неожиданную гостью, поговорить с ним начистоту, как вдруг Кассандра вскочила со стула, на котором сидела и как-то странно повела носом, словно принюхиваясь. Черты её лица слегка заострились, кожа побледнела, а на лбу выступили бисеринки пота.

– Хорст, – резко бросила она тоже мигом подобравшемуся Хорю, и я даже не успела удивиться, что, оказывается, у Хоря есть нормальное обычное имя, – что это? Ты чувствуешь?

Он ничего не ответил, но нахмурился, закрыл глаза и стал медленно поворачиваться из стороны в сторону, сконцентрировавшись на каких-то своих, мне пока абсолютно непонятных, ощущениях. И, чем дольше Хорь вслушивался в окружающее пространство, тем мрачнее становился.

Между тем на улице постепенно стихал шум разговоров, и я с удивлением подумала, что в кои-то веки лень победила в моих односельчанах жажду новой сплетни, и им надоело стоять под жарким полуденным солнцем. Наверняка все мужики дружно отправились в трактир обсудить последние новости и пропустить по кружечке, а женщины ушли по домам заниматься никогда не заканчивающимися хозяйственными делами. Но, выглянув в окно, я огромным усилием воли заставила себя не выругаться и не вытащить Хоря и Кассандру из их странного забытья. Причём поступила я так не из каких-то высоких соображений: просто я отлично знала, что нельзя резко выдёргивать колдуна из транса – последствия могут быть совершенно непредсказуемыми. А у нас и так за окнами творится что-то, мягко говоря, странное.

На улице не было видно ничего, то есть совершенно ничего – всё законное пространство заполнял тот самый грязно-серый туман, клочок которого мне померещился возле старых развалин. Или не померещился? На окне медленно проступали морозные узоры, уменьшая и так отвратительную видимость. Мороз в конце мая, выдавшегося на редкость жарким? Серьёзно?

Я до боли в пальцах вцепилась в спинку стула, около которого стояла, и молча, как загипнотизированная, смотрела на белое окно и едва просматривающуюся за ним белёсую мглу, которая, как мне почему-то казалось, была не лучшим образом настроена по отношению ко всему живому, ибо сама была абсолютно мёртвой. От слов вообще и совершенно. Не знаю,

сколько времени мы так простояли: я – пытаюсь хоть что-то рассмотреть за окном, Кассандра и Хорь – закрыв глаза, прислушиваясь и приносясь, серая мгла – пялясь на меня сквозь мутное от морозной пыли стекло.

Затем Кассандра открыла глаза, которые, как мне показалось, мрачно сверкнули двумя тёмно-зелёными искрами, посмотрела на окно и клубящуюся за ним муть, тяжело, как-то даже обречённо вздохнула и шагнула в сторону входной двери. Даже дураку было понятно, что ей до ужаса не хочется никуда идти, но не мне же бодаться с этим, не буду врать, до обморока пугающим туманом. Кассандра взялась за ручку двери, но в последний момент задержалась и обернулась к Хорю.

– Хорст, если всё будет совсем плохо, ты знаешь, что делать, – она жестом остановила встрепенувшегося было и попытавшегося что-то сказать Хоря, – это мой долг, и тебе его не закрыть, ты сам всё понимаешь не хуже меня. Я сдвинула пласты, мне их и на место ставить. Надо же, как бывает – всего-то и хотела, что нахального мальчишку проучить, а вот что получилось... Недаром меня сюда так тянуло... прямо к прорыву...

Кассандра вздохнула, вытащила их кармана какие-то амулеты, пересчитала их, потрепала по пушистому загривку кота, незаметно как и когда пристроившегося рядом, безрадостно усмехнулась и вышла за дверь. Я сделала было шаг вслед за ней, но почувствовала на плечах тяжёлые руки Хоря и остановилась: если уж он не лезет, то я-то куда со своими скромными способностями...

Следующие полчаса показались мне самыми длинными в жизни: за стенами дома что-то шуршало, подвывало, скрипело и стонало. Иногда слышался голос Кассандры, гортанно выкрикивающий какие-то длинные и совершенно непонятные фразы, ответом на которые был утробный и невероятно мерзкий хохот. Мы с Хорём вслушивались и бесились от невозможности помочь, я даже пару раз взглянула на любимую и не раз опробованную в деле чугунную сковородку, но потом представила себя, в боевом экстазе размахивающую сковородой посреди серой мглы, и поняла, что неведомый туманный монстр если и помрёт, то исключительно от смеха. Тоже, конечно, вариант, но проверять, сработает ли он, как-то не тянуло. Визг за окном поднялся до каких-то немыслимо высоких нот, так, что даже уши заложило, а потом внезапно с лопнул, как рвётся очень сильно натянутая леска, если на крючок вдруг попала слишком крупная рыба.

И всё внезапно стихло: морозные кружева на стекле стали таять и как-то очень быстро исчезли, не оставив после себя ни капли влаги, а за окном робко подала голос какая-то первая, видимо, самая смелая (или самая глупая) птица. Я взглянула на Хоря и, увидев его согласный кивок, выскочила на крыльцо. Ни во дворе, ни возле трактира, ни у колодца не было ни души, что, в общем-то не удивительно, и только возле недавно врытой, новой, еще даже не потемневшей от дождей коновязи на траве ничком лежала хрупкая фигурка, издали похожая на сломанную куклу.

Я бросилась к Кассандре, но меня опередил Хорь, вихрем слетевший с крыльца и рухнувший на колени возле ведьмы. Он склонился над ней, быстро сканируя как-то неправильно лежащее тело с помощью неизвестного мне амулета, а потом тихо прошептал:

– Эх, Кэсси, Кэсси... Ну почему всё так? Зачем тебе понадобилось ехать сюда? Чтобы помереть у меня на глазах? Ведьма ты бессовестная, вот что я тебе скажу...

– Не ворчи, старый бродяга, – хрипло отозвалась Кассандра, и в углу её рта показалась капелька крови, – так уж, видно, решил Странник, в которого я никогда в жизни не верила. Но не будем терять времени, его у меня не так уж и много... Где Розалинда? Позови её, Хорст, ты знаешь, так надо...

Хорст повернулся, нашёл взглядом меня и повелительным жестом велел подойти, хотя приближаться к умирающей ведьме – дело опасное и чреватое самыми разными последствиями. Всем известно, что ведьма не может спокойно покинуть этот мир, не передав свои зна-

ния преемнице: иначе ждёт её и смерть тяжкая, и посмертие ничуть не лучше. Я, находясь в трезвом уме и твёрдой памяти, никогда бы этого не сделала, но сейчас, вместо того, чтобы со всех ног припустить куда угодно, лишь бы отсюда подальше, сделала несколько нерешительных шагов и опустилась на траву возле Кассандры. Она облегчённо перевела дыхание: видимо, до конца не была уверена, что я рискну подойти. Закусив губу, она повернулась и взяла меня за руку, а Хорст подsunул ей свою здоровенную ручищу под спину и помог приподняться.

Было понятно, что Кассандра умирает и держится только невероятным усилием воли, но даже при этом хватка у её небольшой изящной ручки была стальная. Она помолчала, видимо, справляясь с болью, а потом неожиданно чистым мелодичным голосом заговорила:

– Я, Кассандра дель Строчи, графиня Ариано, признаю присутствующую здесь Розалинду своей дочерью со всеми вытекающими из этого обязанностями и правами наследования. Свидетелем будет Хорст ван дер Ларсин, и да станет Странник на страже моей последней воли.

Не успела я сказать хоть что-то, ошарашенная всем происходящим, как Хорст, подозрительно шмыгая носом, взял кинжал и сделал надрез на моей ладони, приложив его к окровавленной руке Кассандры. В тот же миг у меня перед глазами взвился цветной вихрь, сметённый приступом такой адской боли, что я рухнула на траву рядом с застывшей Кэсс.

Когда я пришла в себя, вокруг царила благостная тишина, только негромко щебетали птицы и шумела листва. Открывать глаза категорически не хотелось, тем более, что болело всё, что может болеть, а то, что болеть не может по определению, ныло и чесалось. Прикинув, что какое-то время я ещё могу поваляться на травке и послушать птичек, я попробовала расслабиться и, как ни странно, у меня это даже получилось.

– Ну и чего лежим, кого ждём? – раздался рядом незнакомый недовольный мужской голос. – Вижу ведь, что в себя пришла, болезная. Так что давай, вставай, шевели лапами... или что там у тебя.

Я приоткрыла один глаз и осторожно огляделась: вокруг по-прежнему никого не было, причём, что странно, не было и Хоря с погибшей Кассандрой. Я лежала на зелёной травке возле коновязи в гордом одиночестве, если не считать развалившегося неподалёку чёрного кота, который раньше принадлежал Кэсс. Сердце кольнуло острой иголкой боли, хотя я и не успела узнать и тем более полюбить эту женщину. Но прежде чем разбираться во всём случившемся, нужно как-то встать... наверное...

– О боги, все, какие есть на свете, больно-то как, – я кряхтя, как столетняя бабка, попробовала встать хотя бы на коленки для начала.

– Ну вот, можешь же, когда хочешь, – снова прокомментировал кто-то невидимый, и я закрутила головой, тут же пожалев об этом, так как от приступа головокружения чуть не рухнула обратно на траву.

– Аккуратнее, бестолковая, – обеспокоенно проворчал голос, – сиди тут потом опять, жди. Жарко, между прочим, самое пекло. Ты бы хоть в тень переползла, что ли... Слышишь меня?

– Слышу, – послушно отозвалась я, всё ещё не теряя надежды увидеть того, с кем я разговариваю, и убедиться, что у меня хотя бы с головой всё в относительном порядке. – Но не вижу. Тут нет никого кроме меня... но с кем-то ведь я разговариваю, верно?

– Оу... Неужели это попытка мыслить логически? – в неизвестном голосе прорезались издевательские нотки. – Значит, ещё не всё потеряно. Вниз посмотри, убогая... Только головёшкой сильно не дёргай, аккуратнее...

Решив временно не обращать внимания на хамоватое обращение странного голоса, я медленно огляделась, но никого кроме кота и нескольких птиц не увидела. Задумавшись, снова перевела взгляд на кота и наткнулась на совершенно осмысленный взгляд зелёных глаз, насмешливое выражение которых идеально накладывалось на услышанные мной реплики.

– Эммм... Добрый день, – вежливо поздоровалась я, будучи абсолютно уверенной, что мне никто не ответит, так как даже в нашем не чуждом волшебства мире животные разговаривать не умели.

– И тебе здравствуй, – ответил кошка, причём именно что ответил, не на телепатическом уровне, а нормально, чуть не сказала «по-человечески», и в открывающейся пасти мелькнул розовый язычок. – Очнулась, горе-несчастье? Вставай тогда и пойдём в дом, сил уже нет на жару валяться, думаешь, легко мне, в шерсти-то?

И, пока я пыталась собрать суматошно разбегающиеся в разные стороны мысли, пошёл в сторону дома, гордо переставляя мощные лапы и подергивая шикарным пушистым хвостом. Перепрыгивая со ступеньки на ступеньку, кот добрался до двери и недовольно оглянулся на меня. Я понятливо кивнула, порадовавшись, что голова почти не кружится, достаточно бодро взобралась на крыльцо и вслед за ведущим себя совершенно по-хозяйски котом вошла в дом. Мой дом, между прочим...

В комнате никого не обнаружилось, только почему-то остро пахло мятой, отчего кот затряс пушистой головой и дважды чихнул.

– Будь... те здоровы, – отозвалась я, вдруг почувствовав, что обращаться к коту нужно именно так – вежливо и уважительно. – А вы... простите, конечно, но... вы теперь со мной жить будете?

– С тобой? – кошка в ужасе покосилась на меня и активно замотал головой. – Вот ещё не хватало! Чтобы я, фамилльяр в двенадцатом поколении, остался с такой бестолковой ведьмой? Да я же поседею с тобой, пока ты чему-нибудь научишься. Нет, это не для моей истерзанной нервной системы. Да ещё и при живой хозяйке!

– Как – при живой?! – я вскочила с лавки, на которую только успела опуститься. – Кассандра что – жива? Правда?! А где она тогда??

– Да не мельтеши ты, скачешь тут, аж в глазах рябит, – кот запрыгнул на широкую лавку и, блаженно зажмурившись, растянулся на ней во весь свой немаленький рост. – Унёс он её, учитель твой бывший, в Старый Лес, к эльфам. Они хоть ведьм и не слишком уважают, но её по старой дружбе примут, сил дадут набраться. Ну а Хорь твой с ней решил остаться. Эх, люди... как там у вас говорят... старая любовь не ржавеет? Ну вот... А меня здесь пока оставили – за тобой приглядеть. Но ты не думай, он вернётся ещё, тебя проинструктировать.

В отличие от Савоси, кошка и не думал запинаться на умных словах, но, только я собралась завести с ним какую-нибудь высокоинтеллектуальную беседу, в углу замерцал овал портала, и в комнату шагнул как-то внезапно помолодевший Хорь. Я молча бросилась к нему и, прижавшись к широкой груди, наконец-то разрыдалась, сбрасывая немыслимое напряжение последних часов. Хорь молчал, лишь тихонько гладил меня по волосам большой тёплой ладонью.

Когда мои судорожные всхлипы стали тише и значительно реже, он осторожно усадил меня за стол, и сам присел на лавку напротив меня.

– Что всё это было такое? – мой голос всё ещё прерывался и был сиплым от слёз, но я уже готова была воспринимать информацию, и Хорь это отлично понял.

– Как ты себя чувствуешь, Линда? – спросил он, и я в изумлении подняла на него взгляд. С чего это вдруг я стала Линдой, когда всегда была исключительно Розой или Розочкой? – Что ты так смотришь? Или забыла, что только крестьянки, сокращая имя, оставляют первую часть, а ты теперь у нас графиня, так что Розой ты точно быть уже не можешь...

Он по-доброму улыбнулся мне, а я вдруг осознала, вот именно сейчас, что всё, что произошло за последние безумные несколько часов – всё это правда. И нашествие странного тумана, и битва Кэсс с ним, и удочерение меня Кассандрой, и передача мне ведьмовской силы. Но... почему я ничего не чувствую? Ведь, наверное, должно же было что-то во мне измениться? Или нет? Но спросила я другое:

– Как Кэсс?

– Мы успели, – Хорь нахмурился, – ещё немного, и было бы совсем поздно. Хорошо ещё, что она силу свою успела сбросить, – тут он виновато покосился на меня, но я предпочла пока никак не реагировать, – а то точно выгорела бы. Теперь, правда, восстанавливаться долго будет, не один год, наверное, но главное – жива осталась.

– Скажи, а то, что она говорила – правда? Она действительно графиня?

– Да, – Хорь ухмыльнулся, видимо, поняв, что сковородку я прямо сейчас использовать не собираюсь, – самая настоящая. Как и ты теперь, Линда. Ты – Розалинда дель Строцци, графиня Ариано, законная наследница Кассандры. К тебе перешёл её титул, её земли, её деньги. Она сама, правда, не знает, сколько там чего, но ты разберёшься. Ты у меня боевая... Что не так, малышка?

Хорь прекрасно успел изучить меня за эти годы, и по выражению лица всегда определял моё состояние. Вот и сейчас ему не составило труда разглядеть моё недовольство.

– Всё так, – задумчиво проговорила я, – но почему никто не поинтересовался, хочу ли я быть графиней, нужна ли мне сила, которую в меня слили, как в запасную флягу... Кстати, я её совершенно не ощущаю. Так и должно быть?

– Да, силу Кэсс в тебя перекачала, но для пробуждения нужно сильное эмоциональное напряжение, встряска, тогда сила проснётся и, если ты с ней совладаешь, станет верой и правдой тебе служить. Это может произойти и завтра, и через несколько лет.

– А если я не хочу? – упрямыства мне было не занимать, и я хотела получить ответ хотя бы на некоторые вопросы.

– Малышка, – грустно улыбнулся мне Хорь и снова потрепал по волосам, – мы много чего не хотим, но делаем. Странник сам стелет перед каждым дорогу, но куда сворачивать на развилках, решаем только мы. Тебе дана твоя и только твоя тропа, а как ты по ней пойдёшь – время покажет. Раз так произошло – значит, так было предназначено.

– И что мне делать теперь? – я растерянно смотрела на человека, заменившего мне отца, которого я никогда не знала.

– Я думаю, самое правильное – поехать в столицу, попытаться там разобраться с наследством, может быть, съездить в фамильный замок, завести полезные знакомства... Говорят, нынешний Император, его величество Эдуард, достаточно мудр и справедлив, несмотря на юный возраст. – Кошак на лавке ехидно фыркнул, но от комментариев воздержался. – Возможно, он захочет принять участие в твоей судьбе.

– Ехать в столицу? Совершенно одной? – я с сомнением посмотрела на старого (или не такого уж и старого) ведьмака. – Серьёзно? И далеко я так уеду? Дай-ка скажу... до ближайшей разбойничьей заимки.

– Я ничем не могу помочь тебе, малышка, – Хорь расстроено пожал могучими плечами, – я чувствую, что время моего участия в твоей судьбе закончено, и дальше твой путь лежит иными тропами. Но кой-чем, думаю, могу подсобить. Эй, Леонард, поднимайтесь, сударь, у меня к вам серьёзная просьба.

Я с удивлением поняла, что Хорь обращается к коту, который скосил в его сторону приоткрытый зелёный глаз, и не подумав пошевелиться.

– Друг мой, – по-прежнему крайне уважительно продолжал Хорь, – вы же прекрасно понимаете, что даже не разбуженной ведьме совершенно никак нельзя без фамильяра. А я абсолютно точно знаю, что в вашем с Кэсс лесном доме недавно появилось пополнение, с чем я вас, кстати, сердечно поздравляю. Не будете ли вы столь любезны и не подарите ли новой графине Ариано спутника?

Кот насмешливо фыркнул и потянувшись всем мощным телом, широко зевнул. Затем спрыгнул на пол и вальяжно направился в сторону самого тёмного угла, в котором и исчез, словно растворившись, но, не успела я высказать свои соображения по этому поводу, снова

появился, держа в зубах какую-то шерстяную пушистую тряпочку весёлого огненно-рыжего цвета. Выплюнув её возле моих ног, кот снисходительно посмотрел на меня:

– Так и быть, забирай... графиня. Это Кристофер, мой младшенький – фамилляр в тринадцатом поколении. Пока, конечно, маловат, но вырастет – меня перегонит, так Кэсс сказала, когда его увидела. И рыжий, как ты...

Глава 3

Эдуард II

Да, конечно, нам срочно нужна Элиза, ведь именно сестричка с её неуёмной страстью к этим романам и стала отчасти причиной той непростой ситуации, в которой мы с Динем оказались. Точно, именно она! Ну не могу же я сказать, что во всём виноват я, моя любовь к коллекционному эльфийскому и моё какое-то детское нежелание вовремя промолчать. Я всё-таки Император, как ни крути, следовательно, виноват быть не могу по определению. Удобно, правда? Я тоже так думаю...

Это всё прекрасно, но как добраться до Элизы, когда в приёмной жаждет моего бесценного внимания целая толпа народа? Проигноировать их я никак не могу, всё же государственные дела никто не отменял, к сожалению.

Я постарался коротко объяснить всё это глубоко задумавшемуся о чём-то Дину, и, посоветовавшись, мы решили, что он, на правах Первого советника и ближайшего императорского друга, прямо сейчас отправится к Элизе выяснять обстановку (а вдруг сестрица тоже уже не та очаровательная болтушка, какой была в нашем прошлом мире? Хотя не хотелось бы...), а я решу наиболее срочные вопросы и присоединюсь к ним. Сестру я искренне любил и надеялся, что и в этом мире у нас по-прежнему прекрасные отношения.

Дин ободряюще улыбнулся мне и исчез в боковой двери, которая, если в дворце ничего не изменилось, вела к галерее, по которой можно было попасть напрямик на половину её высочества. Я же, одёрнув камзол, решительно подошёл к двери в малый приёмный зал. Почему это вы решили, что я нервничаю – ничего подобного: я совершенно спокоен, а что руки подрагивают... так это от слишком крепкого кофе, и не более того.

Решительным рывком распахнув двери, я оказался в небольшом зале, расположенном рядом с кабинетом, где обычно и проводил утренние рабочие приёмы, не требовавшие никакой торжественности. Застыв на пороге памятником самому себе, я титаническим усилием воли подавил острое желание сделать шаг назад, закрыть двери на ключ и навсегда забаррикадироваться в родном кабинете. Я медленно закрыл глаза, постоял несколько секунд и снова открыл.

Не понял... А где, собственно, моя мебель? Где мой любимый рабочий стол, за которым я привык читать документы, принесённые на подпись? Где сейф, сделанный магами Общины, в котором я храню наиболее ценные бумаги и собственно императорскую печать? Где кресло, сделанное на заказ именно для меня, и где диванчики для посетителей? У нас, хвала Страннику, нормальное цивилизованное общество, в котором Император – не идол и не божество, а живой человек, просто облечённый большей властью и, как следствие, большей ответственностью. Поэтому во время решения важных вопросов никому не приходится стоять весь разговор навтыжку, а можно спокойно сидеть в удобных креслах, чтобы думалось продуктивнее, так сказать. Поэтому у меня вопрос – где это всё?

Да, между высокими окнами, сквозь которые виден ухоженный сад, по-прежнему висит картина, но почему это не строгий, но невероятно красивый морской пейзаж кисти великого Раэля, подаренный мне пять лет назад пиратским капитаном Жеромом Шарком за помощь в одном щекотливом деле, а портрет какого-то абсолютно неизвестного мне толстяка? Полы застланы коврами, чего я терпеть мне могу, а из мебели в наличии только нечто, отдалённо напоминающее трон, но только меньшего размера, позолоченное и зачем-то украшенное меховой подушкой. Подушка-то зачем? Чтобы седалище не мёрзло? Так поздняя весна на дворе, какая подушка, помоги мне Странник?! Никаких других предметов мебели в зале не обна-

ружилось, кроме малюсенькой конторки для секретаря, из чего следует, что и казначею, и управляющему, людям достаточно солидного возраста, сесть будет попросту некуда.

И вот тут мне стало плохо: а с чего я, идиот великовозрастный, решил, что я в этом мире ничем не отличаюсь от себя того, настоящего? Может быть, здесь я жестокий диктатор, лёгким движением императорской длани отправляющий народ пачками на виселицу, или, наоборот, легкомысленный любитель охоты, балов, танцев и маскарадов (уж не знаю, что и хуже-то) ... По спине бодро, с криками «ура», промаршировал полк ледяных мурашек. Я как-то достаточно спокойно воспринял глобальные изменения в судьбе Дина, но даже не задумался о своей собственной. И ведь даже спросить не у кого, вот засада...

«Ладно, буду разбираться по мере выяснения обстоятельств», – бодро решил я, но оптимизм, жалко пискнув, смылся в неизвестном направлении.

Дежуривший в зале, к счастью, знакомый хотя бы внешне, секретарь выскочил из-за своей конторки и согнулся в учтивом поклоне. Я с подозрением посмотрел на него и жестом подозвал поближе. Он почему-то побледнел, но сделал несколько шагов в мою сторону, причём я заметил, что он исподтишка окинул меня удивлённым взглядом. А что со мной не так? Костюм нормальный, в спокойной песочной гамме, сам вроде умыт-причёсан, корона повседневная, опять же, присутствует...

– Марио, – обратился я к нему, надеясь, что хотя бы имена здесь те же, и, судя по тому, что в глазах секретаря не мелькнуло ни искры удивления, оказался прав: ну хоть какая-то хорошая новость. – Марио, а давно здесь делали перестановку? Разве здесь не было... стола, диванов, кресла?

Секретарь побелел, как полотно, и, с ужасом уставившись на меня, заикаясь, сообщил, что в этом зале уже два года ничего не меняется, ровно с тех пор, как я стал Императором, сменив погибшего на охоте отца (тут я едва сдержал удивлённый возглас, так как там, в моей прежней, нормальной жизни отец умер от непонятной болезни, природу которой так и не смог объяснить ни один целитель и ни один маг). А вот при прежнем Императоре – да, тут и стол стоял, и диваны, и кресла, но я велел всё вынести и выбросить.

Нда... экий я затейник, однако... И что делать? Ладно, сейчас постараюсь разжиться информацией о том, что вообще вокруг происходит, а потом уже буду принимать решения.

– Марио, распорядитесь, чтобы в зал принесли несколько удобных стульев для посетителей и хоть какой-то стол для меня, не могу же я записи на коленке делать, верно?

Попытка пошутить успехом не увенчалась, и секретарь, взглянув на меня с каким-то суеверным ужасом, зайчиком выскочил из этого до отвращения бесполезного зала, а я устроился на том самом, позолоченном, с меховой подушкой. Врать не буду – сидеть было удобно, а вот заниматься делами – категорически нет: документы положить некуда, разложить их – тем более, печать неизвестно где. Что творится вообще?

Буквально через минуту опасно поглядывающие на меня лакеи принесли три на вид достаточно удобных кресла и небольшой стол. Стол, повинувшись моему жесту, поставили возле меня, а стулья расположили полукругом на достаточно большом расстоянии. Интересно, а как я разговаривать с ними буду: жестами? Не докричишься ведь...

Решив, что минимально пригодными для работы условиями меня обеспечили, я сделал секретарю знак, чтобы приглашал первого посетителя, которым, насколько я помнил из слов Антонио, был управляющий. В той жизни эту жутко хлопотную и нервную должность занимал барон Джонатан Флетчер, надёжный, как гномий банк, и такой же, как коротышки, невозмутимый и упрямый. У меня с ним сложились более чем тёплые отношения, так как именно лорд Джонатан помогал мне в моих первых шагах в качестве Императора: посвящал в не имевшие ранее для меня значения нюансы отношений между людьми, представляющими высший свет Империи, знакомил с теневыми сторонами дворцовой жизни, считая, что такие знания навер-

няка мне пригодятся. Поэтому встречи с бароном я ждал с немалым волнением: нужно понять, есть ли у меня его поддержка здесь, в этом мире. Хотелось бы в это верить, ох, как хотелось!

– Его светлость барон Флетчер к Его Императорскому Величеству! – раздался громовой голос стоящего у дверей дворецкого, и я чуть не подпрыгнул на своей меховой подушке, так как уже давно отучил слуг от этой ненужной помпезности: не на людях же, тем более – визит рабочий, практически ежедневный. Но, видимо, мне предстоит полностью осознать смысл до этого времени непонятной мне фразы «тут вам не здесь».

Барон вошёл и склонился в придворном поклоне, чем в очередной раз вызвал у меня приступ когнитивного диссонанса (а что вы думаете, я зря в академии учился что ли, я и не такие слова знаю!).

– Лорд Джонатан, рад вас видеть, – максимально нейтрально сказал я, – проходите, присаживайтесь, разговор будет долгим.

Барон поднял голову и посмотрел на меня с глубочайшим изумлением, которое даже не пытался скрыть. С не меньшим удивлением он оглядел помещение, совершенно неуместные в данном интерьере кресла и стол и сделал пару неуверенных шагов в мою сторону.

– Выбирайте кресло и присаживайтесь, – я по-прежнему старался придерживаться какого-то среднего стиля общения, где-то посередине между той теплотой и лёгкостью, которая была свойственна нашим разговорам раньше, и официозом. – Я слушаю вас, лорд Джонатан.

– Доброе утро, ваше императорское величество, – сухо вато поздоровался барон, поселив в моём сердце нехорошие подозрения, – я не отниму много вашего драгоценного времени.

Я хотел рассмеяться и пошутить насчёт драгоценности моего времени, но, взглянув в равнодушно-холодное лицо барона, подавился шуткой.

– Слушаю вас, барон, – кивнул я, собираясь с силами. Кажется, ведьминское проклятье аукнется мне гораздо круче, чем я предполагал, – у вас какие-то новости?

– Новости? – барон удивлённо приподнял брови, но тут же снова надел маску демонстративного равнодушия. – Нет, ваше величество, я только хотел, чтобы вы уже окончательно подтвердили дату начала Отбора.

Начала чего?! Какого Отбора?! Нет, скажите мне, что всё это – дурной сон, затянувшийся похмельный кошмар! Никаких отборов, ни за что и никогда, ни при каких условиях, только через мой императорский труп!

– Никакого Отбора! – хрипло каркнул я, не совладав с голосом от избытка эмоций. – Забудьте, барон. Никогда и ни за что!

– Ваше величество, – барон добавил в голос немного льда, но сделал это очень аккуратно, – мы уже много раз это обсуждали. Мы не можем отказаться от Отбора, ибо такова воля вашего батюшки. Приняв корону, вы приняли на себя и все обязательства, связанные с завещанием вашего отца.

Я молча смотрел на барона, мысленно костеря на чём свет стоит проклятую ведьму, которая сумела так шикарно испортить мне жизнь.

– То есть отказаться я не могу, я правильно понимаю? – уточнил я, решив последовать совету какого-то древнего мудреца, говорившего что-то о том, что если не можешь изменить обстоятельства, то стоит попытаться изменить отношение к ним. Вот к этой, несомненно, мудрой мысли я и попробую прислушаться. – И какая же дата для этого, вне всякого сомнения, эпохального события нами с вами намечена, господин барон?

– Нами с вами, ваше величество? – лорд Джонатан даже не попытался скрыть своё изумление, а я с тоской подумал о том, что без поддержки хотя бы кого-то, кто ориентируется в местных дворцовых реалиях, я просто-напросто не справлюсь. Всё время оглядываться, боясь попасть впросак просто потому что не в курсе, как здесь тот или иной человек ко мне относится, – к такому экстремальному образу жизни я был не готов. А единственный, с кем я могу

поделиться – это Дин, который, судя по всему, тоже ещё много нового и интересного о себе узнает, это к гадалке не ходи!

Значит, мне нужен, мне просто жизненно необходим советчик, иначе или загремим мы с Дином в подвалы местной службы безопасности, так как не будем знать чего-нибудь элементарного и при этом очень важного, либо, что ещё хуже, попадём к экзорцистам, которые будут пытаться изгнать из нас демонов до тех пор, пока не помрём. Остаётся один маленький вопрос: где его взять – этого человека? В прошлой жизни, там, где всё было хорошо и так восхитительно понятно, я в сложной ситуации обратился бы именно к барону. А здесь? Проклятье, что делать-то?

– Ну да, нами с вами, лорд Джонатан, а что вас удивляет? – я осторожно, как канатоходец над пропастью, пытаюсь продвигаться вперёд, чтобы узнать и понять хоть что-то.

– Простите мне мою дерзость, ваше величество, но с каких пор моё скромное мнение стало вас интересовать? – барон горько улыбнулся, но тут же снова надел маску ледяного безразличия. – Лично вы, государь, выбрали первое июня, то есть через неделю.

– Но, судя по всему, вы со мной не согласны, верно? – я старался говорить спокойно и по возможности без лишних эмоций, но лорд управляющий всё равно слегка побледнел и выпрямился в своём кресле.

Демоны, чего они тут все пугливые-то такие? Сначала секретарь, потом лакеи, а теперь и ничего никогда не боявшийся лорд Джонатан... Нет, надо срочно искать поддержку, я не могу жить словно с завязанными глазами. Или я очень сильно ошибаюсь, или я в этом мире личность достаточно непривлекательная и симпатией не пользующаяся. Неприятно... Не могу сказать, что я привык к абсолютному обожанию со стороны подданных, но уважительное, искренне доброжелательное отношение приближённых и любовь народа сумел заслужить. Даже со стороны тех, кто не мыслил другого Императора, кроме отца.

– У меня нет права быть в чём-то не согласным с вашим императорским величеством, – негромко произнёс лорд Джонатан, а я еле слышно скрипнул зубами от досады и бессилия, – если такова будет ваша воля, мы объявим о начале Отбора с первого июня.

– Лорд Джонатан, – я постарался, несмотря на взвинченное состояние, придать своему голосу максимум доброжелательности и вновь наткнулся на полный недоумения и подозрительности взгляд старого барона. – Лорд Джонатан, я, наверное, удивлю вас, – при этих словах управляющий ощутимо напрягся, а я снова вспомнил про себя всех демонов, – но мне нужна ваша помощь, без неё я не справлюсь.

– Я не ослышался, ваше величество? – в голосе барона прозвучала непередаваемая смесь удивления и сарказма, а в глазах мелькнула застарелая обида. – Вам? Вам нужна моя помощь? Чем же скромный управляющий может помочь своему Императору?

Я не знаю, что толкнуло меня на самый, наверное, необдуманный шаг, какой только можно было совершить в сложившейся ситуации. Я молча встал со своего гламурного мини-трона с подушкой, передвинул одно из кресел поближе к тому, в котором сидел явно потрясённый моими действиями барон, рухнул в него и устало потёр лицо ладонями. Лорд Джонатан застыл в своём кресле и, кажется, даже не дышал.

– Скажите мне, дорогой барон, – управляющий молча смотрел на меня, и в его карих глазах мелькнула и погасла надежда, сменившись опасением, а затем и болью, – я могу рассчитывать на вашу помощь и поддержку, причём не как управляющего дворцом барона Флетчера, а как старого друга моего отца... и моего друга... лорда Джонатана? И на полное сохранение тайны, ибо от этого зависит не только ваша, но и моя жизнь.

– Ваше величество, – барон откашлялся, явно не зная, что мне ответить, и его, если честно, можно было понять: живёт себе человек спокойно, а тут я, весь такой внезапный, – я преданный слуга императорской семьи, и вы, как и ваш отец ранее, всегда можете рассчитывать на мою верность короне.

– Лорд Джонатан, я расскажу вам историю, практически сказку, а вы скажете мне, что о ней думаете, хорошо? – я вымученно улыбнулся, глядя на барона, и, видимо, что-то такое мелькнуло на моей императорской физиономии, что он не стал в очередной раз говорить банальности, а просто молча кивнул, откидываясь на спинку кресла и глядя мне в глаза.

– Так вот, – подумав, начал я, – жил-был в одной империи... император, что, в общем-то логично, правда? – барон молча кивнул, не сводя с меня внимательного взгляда, – неплохо так жил, спокойно... правил справедливо и честно: за победы награждал, за преступления наказывал. Народ его любил, а советники уважали. И была у этого императора младшая сестра, девушка весёлая и красивая... а ещё были друзья – один друг детства, ставший Первым советником и доверенным лицом во всех делах, а второй – старый верный друг его отца, всегда помогавший молодому императору как советом, так и делом, – при этих словах лицо лорда Джонатана закаменело, а взгляд стал острым и пронзительным, – так вот... однажды молодой император совершил страшную ошибку, по глупости разозлив могущественную ведьму, которая, не долго думая, его прокляла.

Я прервался и посмотрел на барона, который, переплетя пальцы и закусив седой ус, не сводил с меня внимательного взгляда.

– Очень интересная история, ваше величество, – задумчиво проговорил лорд Джонатан, глядя мне в глаза, – и что же, позвольте полюбопытствовать, сделала эта ведьма?

– Она решила, что император слишком легкомысленно себя ведёт, и ему не помешает жестокий урок, – я не решился сказать барону всю правду, да оно и ни к чему, – и переселила императора в другой мир, точнее, в другой, как бы параллельный вариант его же мира, сохранив при этом и имя, и окружение... Понимаете?

– Пока не очень, – покачал головой барон, – но, если ваше величество позволит, задам несколько вопросов.

Я кивнул, и барон, сосредоточенно пожевав многострадальный ус, проговорил:

– А этот император, о котором ваше величество изволило рассказать такую занимательную историю, – он помнит, что с ним произошло?

– Разумеется, – сказать, что я обрадовался такому продолжению беседы, это ничего не сказать, ведь лорд Джонатан не только не стал делать вид, что не понимает моих намёков. Начав задавать вопросы, он дал понять, что готов к диалогу. А это уже больше того, на что я смел надеяться, – он прекрасно всё помнит, но оказалось, что в этом... мире он вёл себя несколько... иначе. И ему необходим надёжный человек, которому он сможет довериться...

– Мне кажется, я понял, что ваше величество имеет в виду, – задумчиво проговорил лорд управляющий, но в его голосе по-прежнему не было уверенности, – но мне... мне сложно в это поверить...

– Эдуард, – негромко проговорил я, протягивая барону руку, – в той жизни наедине вы всегда говорили мне «ты» и называли меня просто Эдуард...

– Что я могу сделать для тебя, мой мальчик? – помолчав, спросил лорд Джонатан, пожимая протянутую мной руку, и я чуть не заплакал от облегчения, что мы с Дином здесь больше не одни.

– Хвала Страннику, вы мне поверили, Джонатан! – я даже не пытался скрыть того невероятного облегчения, которое испытал, когда увидел, что лорд Флетчер мне поверил, что он на моей стороне и не отказывает мне в своей дружбе и поддержке. – Вы себе просто не представляете, в каком шоке были мы с Дином, когда обнаружили, что всё вокруг вроде бы как всегда, но при этом совершенно не так!

– Так лорд Фердинанд тоже здесь? Но где он тогда, почему оставил тебя одного в такой непростой момент? – барон непонимающе нахмурился.

– Я отправил его к Элизе, на разведку, чтобы он попробовал узнать, что и как, я ведь даже мечтать не смел о том, что получу такую восхитительную поддержку, как вы! Прошу вас,

Джонатан, расскажите мне всё, – я от нетерпения вскочил и начал нервно ходить по залу, – хотя бы в общих чертах. И начнём с главного: какой я здесь?

– Непростой вопрос, – снова принялся жевать ус барон, к счастью, принявший меня со всеми моими тараканами: не иначе сам Странник стоял у меня за плечом и помогал, – но, видимо, начать действительно стоит с него. В общем, даже не знаю, как тебе и сказать, Эдуард...

– Да уж скажите как-нибудь, – криво усмехнулся я, начиная морально готовиться к не самым радужным новостям, – я готов почти ко всему, вот честное слово. Любая правда будет лучше неопределённости.

– Сволочь ты здесь, хоть и коронованная, – с тяжёлым вздохом сообщил мне лорд Джонатан именно то, что я и опасался услышать, – у тебя и друзей-то здесь нет, даже Фердинанд от тебя отвернулся, когда ты отказался помочь ему поймать убийц леди Оливии. Нет, так-то он по-прежнему рядом с тобой, и защитит, и спину прикроет, если нужда будет, только нет той сердечности меж вами, той дружбы, которая была. Один Антонио вас и держит вместе, спасибо ему. С этим убийством вообще вопросов больше, чем ответов, и, скажу тебе, мой мальчик, что боюсь, как бы не был в нём замешан и ты. В смысле не ты, а ты, который... демоны, как объяснить-то?

– Джонатан, давайте с убийством будем разбираться, когда решим более острые вопросы, эту леди Оливию ведь всё равно не вернуть. Кстати, там, в нашем мире, её вообще не было, так что Дин был, мягко говоря, удивлён, когда узнал, что успел жениться. И давайте как-нибудь придумаем, как называть меня, того, который не я... Помогите мне Странник, какой же это всё бред...

– Ты прав, конечно, – согласился лорд управляющий, с искренним сочувствием глядя на меня, – мы можем того тебя, который не ты... – тут барон запнулся и растерянно, совсем по-простонародному, почесал в затылке, – нда... только бы нас не услышал никто, а то ведь на всю оставшуюся жизнь в Башню скорби отправят, и доказывай из-за решётки, что ты не безумец.

– Башня скорби? – переспросил я, впервые услышавший это название, – что это ещё такое?

– У вас её нет? – лорд Джонатан покачал головой. – Это место, попасть в которое равносильно смерти: оттуда никто и никогда не выходил. Страшные слухи ходят об этой Башне, а отправляют туда безумцев, дабы своими действиями они не навредили добропорядочным обывателям.

– А кто принимает решение – безумен человек или нет?

– Так ты и принимаешь, – со вздохом ответил лорд Джонатан, и я растерянно моргнул: я-то почему? Я же не целитель и не судья... – и немало туда людей отправилось, в безумии которых есть очень большие сомнения. Ну да мы отвлеклись... я предлагаю тебя, который не ты, – в этот раз выговорить безумную фразу барону удалось гораздо бодрее, – называть Эдвардом: и на Эдуарда похоже, так что если услышит кто лишний, так можно сказать, что послышалось. А знать будем только ты да я, ну и Фердинанд, коли веришь ему.

– Верю, – я с тяжёлым вздохом кивнул, – кому же мне ещё верить-то... только вам двоим. Как я могу теперь быть уверен в людях, которые знают не меня, а... Эдварда, демоны б его побрали!

– Не переживай, мой мальчик, – барон по-отечески потрепал меня по плечу, – уж в этом-то я тебе помогу. Потихоньку со всем разберёмся, ты справишься, в тебе, в отличие от... Эдварда... отцовская кровь и хватка видны, хвала Страннику. А теперь, когда мы решили самое главное, давай вернёмся к вопросу, с которым я к тебе и пришёл, хотя сейчас, после всех новостей, мне кажется, что это было очень давно! Что будем делать с началом Отбора, Эдуард?

– А отказаться никак нельзя? – я жалобно посмотрел на барона, который отрицательно качнул головой. – Но то, что не через неделю – это точно! Я не успею разобраться со всеми...

внезапными делами. Для начала расскажите мне, что представляет собой этот самый Отбор. У нас его никогда не было, поэтому я крайне смутно представляю себе собственно саму процедуру.

– Хорошо, попробую, – согласно кивнул лорд Джонатан, – Отбор – это давняя традиция, с помощью которой всегда и выбирали невест принцу или императору, если не было иных договорённостей.

– А у меня их точно не было? – я хотел быть уверен, что вариантов избежать идиотского мероприятия действительно нет. – Может, запомнили просто и где-нибудь какая-никакая невеста завалялась? Я даже на не очень симпатичную согласен, правда-правда!

– Нет, конечно, неужели ты думаешь, нам бы дали об этом забыть? – лорд управляющий с недоумением на меня покосился, и я как-то очень вовремя вспомнил о некой Башне, в которой вряд ли стоит бронировать гостевые покои.

– И что он собой представляет, – обречённо приготовился внимать барону несчастный я, – кто эти, несомненно, чудесные девушки, которые осчастливят меня своими талантами? И вообще, что они должны на этом Отборе делать? А где жить? Во дворце?!

Я на секунду представил себе особенности сосуществования в одном отдельно взятом, пусть даже и очень большом, дворце с толпой претенденток на моё императорское внимание, и похолодел от открывшихся мне захватывающих перспектив.

– Нет, – успокоил меня незаметно улыбающийся в усы лорд Джонатан, – как правило, претендентки живут в покоях Зелёного дворца.

Тут лорд управляющий сделал паузу и вопросительно взглянул на меня, но, так как Зелёных дворец и в моём мире (демоны, и я ещё смел быть там чем-то недовольным?! Неблагодарный глупец!) тоже существовал и тоже служил для размещения наиболее важных гостей, то я просто кивнул и приготовился внимать дальше.

– Девушки живут там в течение месяца....

– Сколько?!! – я аж задохнулся от озвученного срока. – Месяц?!! Целый месяц?!! Нет, как сказал Дин сегодня утром, убейте меня прямо сейчас...

– В течение месяца, – невозмутимо продолжил лорд управляющий, пряча в седых усах ухмылку, – и выполняют задания различных конкурсов. Не справившаяся с заданием девушка выбывает, но её руки может просить любой благородный лорд. Чаще всего, именно так и происходит: редко кто из претенденток возвращается домой. Большинство устраивает свою судьбу в столице.

– А кто может участвовать в этом массовом сумасшедшем доме? – обречённо поинтересовался я, с ужасом представив, что мне ещё и это придётся решать, но ответ барона одновременно успокоил и озадачил

– Это как обычно, Шар Судьбы кого выберет, те и участвуют. У вас что, и Шара Судьбы не было? – лорд Джонатан с недоверием посмотрел на меня. Видимо, существование без этого самого Шара казалось ему странным и невозможным. – А как же вы невест выбирали?

– Эммм... – даже растерялся я, – да мы как-то... сами. Кому кто нравится – тот к тому и сватается. Или родители могут договориться, но если молодые люди против – никто неволить не станет. А у вас... у нас не так?

– Нет, – барон даже как-то растерялся, – если молодой лорд желает связать себя узами брака, он приходит к Шару Судьбы и просит подобрать ему спутницу жизни. Шар предлагает ему нескольких подходящих по статусу и остальным моментам девушек, из которых лорд и выбирает себе жену.

– А если ему ни одна не понравится? – мне действительно было интересно.

– Такого не может быть, – с непоколебимой уверенностью сообщил лорд Джонатан, – Шар никогда не ошибается. Вот и для Императорского Отбора он назовёт десять имён, из которых император, то есть ты, Эдуард, и выберет себе жену, нашу будущую императрицу.

– Ну хорошо, допустим, – я чувствовал, что ещё немного, и со мной произойдёт самая банальная истерика, как с юной выпускницей пансиона благородных девиц, – а что за конкурсы?

– Не знаю, – явно ошеломлённый моим незнанием столь очевидных вещей, барон растерянно посмотрел на меня, – никто не знает заранее, какие испытания ждут девушек.

– Как это? – я тоже растерялся. – Но кто-то же придумывает эти дурацкие конкурсы?

– Конечно, – согласился со мной лорд управляющий и добил, – их придумываешь ты, Эдуард.

– В смысле – я придумываю? – я посмотрел на лорда управляющего с каким-то даже священным ужасом, как на человека, огласившего мне, по крайней мере, смертный приговор. – Я не умею, да я даже на вечеринках задания для игры в фанты придумать не могу, а вы хотите, чтобы я испытания для целого Отбора сочинил. Нет, барон, нет, нет и ещё раз нет. И вообще, давайте сначала с жертвами определимся...

– С жертвами? – непонимающе и с некоторой опаской покосился на меня лорд Джонатан, и я понял, что, пожалуй, для этого славного человека нового меня уже слишком много, как бы не передумал насчёт помощи. – Разве планируются какие-то... жертвоприношения? У вас они ещё встречаются?

– Нет, что вы, лорд Джонатан, – я поспешил успокоить барона, – я имел в виду участниц Отбора, просто пошутил неудачно... Простите – нервы...

– Я всё понимаю, мой мальчик, – успокоившись, ответил лорд, – но возле Шара ты должен назвать точное число. Что ты... мы решим?

– Давайте через десять дней хотя бы, а? – жалобно попросил я, напоминая самому себе Дина, который в детстве так же пытался отсрочить очередную поездку к родственникам, которых терпеть не мог, но был обязан посещать.

– Да будет так, – кивнул лорд Джонатан, – значит, можно объявить, что Отбор начнётся третьего..., – тут он посмотрел на пригорюнившегося меня, – пятого июня. И сегодня же мы пойдём к Шару Судьбы, который определит десять претенденток.

– А как он их выбирает? – во мне наконец-то проснулось любопытство, до сего момента пребывавшее в шоке от свалившихся проблем. – И как они об этом узнают?

– Шар определит, и тут же к каждой выбранной девушке отправится магический вестник и капсула с одноразовым порталом, который и перенесёт её в приёмную залу Зелёного дворца. На сборы и прибытие девушкам даётся два дня. Но, я полагаю, все соберутся быстрее, так как во всех семействах, где есть девицы на выданье, ждут начала Отбора и следят за новостями. Так что девушки почти что на сундуках сидят, на всякий случай.

– А когда последний раз это дивное мероприятие проходило? – поинтересовался я: а вдруг есть, с кем посоветоваться, опыта, так сказать, поднабраться.

– Так тридцать один год назад и проходил, как батюшка твой, упокой Странник его душу, супругу выбирал, – в глазах барона мелькнула боль, видимо, и здесь они с моим отцом были близкими друзьями. – Жаль, что ни один из твоих родителей до этого дня не дожил...

Я кивнул, так как тоже искренне горевал и по безвременно ушедшему отцу, и по матери, которая пропала во время пикника, когда мне и десяти лет не было. Отец тогда перевернул вверх дном всю империю и ближайшие государства, но так ничего и не нашёл кроме обрывка кружевного шарфа, и через три года матушку решили считать погибшей. Скорее всего, так и было, ибо за все последующие годы не произошло ничего, что позволило бы в этом усомниться. Отец больше так и не женился, хотя фавориток менял, как перчатки, а два года назад не стало и его.

– Скажите, лорд Джонатан, как лучше сделать: сначала принять казначея и начальника службы безопасности, и потом отправляться к Шару, или наоборот? И расскажите мне очень коротко о бароне Тайлинге, пожалуйста. В моём мире это прекрасный, кристально честный

человек, радеющий за государственную казну лучше, чем кто бы то ни было другой. На лорда Филиппа всегда можно было рассчитывать. Очень хочется верить, что и здесь всё обстоит так же.

– Непростой вопрос ты мне задал, мой мальчик, – нахмурился барон, – Филипп, к счастью, именно такой, каким ты его и описал, и именно поэтому тебя, то есть Эдварда, он терпеть не может, уж больно ты государственные средства разбазаривать любишь... любил. То охота, да непростая, а с пикниками и турнирами, то балы, то фавориткам своим поместья даришь, а хозяев чуть не на улицу выбрасываешь... И поди возрази – быстро в Башню отправишься. Так что Филипп-то такой же, да только уважения и понимания между вами нет: непросто тебе придётся с ним. И рассказать мы ему ничего не сможем: чем меньше людей знает, тем надёжнее тайна.

– И что же мне делать? – с тоской спросил я, уже представив, сколько сил мне придётся потратить, прежде чем я смогу изменить отношение к себе со стороны достойных людей.

– А ведьма не сказала, как надолго она тебя... прокляла, ну, в том смысле, как надолго тебя поменяли местами с... Эдвардом? – в глазах барона мелькнула надежда, и я мог его понять: видимо, с моим предшественником им жилось несладко. Но вот готов ли я сам задержаться здесь надолго? А с другой стороны – у меня что, есть выбор? И если в моих силах сделать этот вариант реальности лучше, то кто я такой, чтобы отказываться? А может быть, в этом есть некий высший смысл, и моя глупость обернётся чем-то важным? Хотя что я... смысла гадать нет ни малейшего, нужно просто решать проблемы по мере их поступления.

– Боюсь, что не в силах ответить на ваш вопрос, Джонатан, так как раньше никогда, знаете ли, с проклятиями не сталкивался и даже не представляю, если откровенно, когда его могут с меня снять. Ведьма... чтоб её... ничего конкретного не сказала.

– Значит, до выполнения заложенных условий, – прокомментировал лорд управляющий, явно знающий про проклятия побольше моего, – ну да не будем об этом думать, будем жить. Значит, слушай меня, Эдуард: сейчас с лордом Филиппом разговаривай нейтрально, спокойно, но внимательно просмотри документы прежде чем подписывать. Хотя ты никогда такого и не делал, – тут лорд Джонатан заметил мой изумлённый взгляд, – ну да, ты... Эдвард... никогда не интересовался финансовыми вопросами, только подписывал. Даже печать императорская для документов у лорда казначея хранится. Ну что ты на меня так смотришь?

А я действительно искренне пытался осмыслить – как это, император – и не интересовался финансовыми вопросами. А чем он тогда интересовался? Хотя что-то мне подсказывает, что лучше мне этого не знать – спокойнее спать буду.

– Я потом поговорю с лордом Филиппом, и попробую как-нибудь объяснить этому недоверчивому зануде такие резкие изменения в твоём поведении. Например, скажу, что тебе видение было... и что сам Странник велел тебе встать на путь исправления.

Я недоверчиво хмыкнул, и лорд Джонатан пожал плечами, мол, сам понимаю – не лучшая версия, но другого вариант у нас для вас нет. Ну да ладно – у меня самого и на такие объяснения фантазии не хватало, так что не буду привередничать – не в моём, знаете ли, положении капризничать.

– Хорошо, – я кивнул вставшему из кресла лорду Джонатану, – тогда я побеседую с лордом Филиппом и потом с бароном Рангером, а остальные встречи – с купцами и прочими – перенесём на более позднее время, уже после поездки к Шару. Кстати, а как мне себя вести в лордом Леонардом? Он тоже меня... не любит?

– Да нет, – барон странно покосился на меня, – я бы не сказал, что Леонард тебя не любит. Он тебя искренне ненавидит, Эдуард.

– Демоны, – я в расстройстве стукнул кулаком по столу, – а он за что? Не жалеете меня, Джонатан, я уже ничему не удивляюсь и не жду ничего хорошего. Добивайте меня.

– Месяц назад ты отправил в Башню его младшего сына, причём всем было понятно, что мальчика просто оклеветали, и что никаких знаков внимания леди Флоренс он никогда не оказывал. Но ты никого слушать не стал, а просто приказал... и больше его никто не видел. В Башню же никто не ходит кроме коменданта, а он молчит.

– Лорд Джонатан, стесняюсь спросить – а леди Флоренс у нас кто? – аккуратно поинтересовался я, так как никакой леди Флоренс в той, нормальной жизни я не знал, во всяком случае, настолько близко, чтобы из-за неё отправить на смерть сына начальника службы безопасности.

– Ты и этого не знаешь? – выражение лица лорда Джонатана говорило о том, что беседу пора сворачивать, пока он ещё не пожалел о своём решении помочь мне. – Леди Флоренс – твоя последняя фаворитка...

Фаворитка. Ну всё, вот тут я попал. Можно обмануть кого угодно, но не женщину, особенно ту, с которой ... хм... знаком достаточно близко.

– Хорошо, Джонатан, давайте уже пустим лорда казначея, а то наша встреча, наверное, выглядит подозрительно долгой, – не очень охотно проговорил я, пытаясь наскрести где-то в глубине потрясённого организма сил для новой встречи.

– Конечно, Эдуард, я тоже об этом подумал, – согласно кивнул барон, – я велю пригласить лорда Филипа. И не волнуйся – твоя тайна останется тайной, мой мальчик.

С этими словами лорд Джонатан откланялся, а я остался, чтобы сполна «насладиться» искренней, ничем не замутнённой ненавистью лорда Леонарда Рангера, которому, видимо, только опасение за судьбы остальных домочадцев мешало воткнуть мне кинжал в сердце. И, Странник свидетель, я его прекрасно понимал: я бы за сына горло перегрыз любому, даже императору, так что лорд Леонард ещё вполне себе неплохо держится, я бы так не смог. Обсуждение безопасности претенденток я благоразумно перенёс на чуть более поздний срок, потому что конструктивно мыслить под прицелом этих горящих жадой мести глаз получалось из рук вон плохо.

Надо будет всё же попытаться выяснить, что там не так с этой Башней, и почему оттуда никто никогда не появляется, только комендант, имя которого мне совершенно ни о чём не сказало, может беспрепятственно входить и, что гораздо более существенно, выходить.

По сравнению с тем, сколько внутренних сил потребовала встреча с лордом Леонардом, предшествовавшая ей беседа с казначеем, принёсшим мне на подпись целую стопку бумаг, связанных как с Отбором, так и с прочими делами, выглядела милыми, почти дружескими посиделками. Единственное, что нарушало благостное шуршание страниц – это моё внезапное (для лорда казначея) желание ознакомиться с подписываемыми документами. Достопочтенный лорд Филипп был так потрясён этим, казалось бы, совершенно естественным желанием, что молча положил передо мной на стол пачку плотно покрытых цифрами листков, а потом со всё возрастающим изумлением следил, как я привычно сортирую их, что-то подписываю, что-то откладываю. Так же молча он отдал мне императорскую печать, которую я машинально убрал в карман: привычка, за которую меня всегда ругал Антонию, так как, по его мнению, столь ценную вещь нельзя просто носить в кармане, как какой-нибудь носовой платок. Выражение лица потрясённого лорда Тайлинга, когда он выходил из приёмного зала, можно было передать одной короткой фразой: «это что сейчас было?!». Но, надеюсь, лорд Джонатан как-нибудь сможет ему объяснить произошедшие с императором метаморфозы, пусть даже припахав к этому неблагодарному делу Странника.

Отложив на послеобеденное время встречи с представителями гильдий, модистками и прочими жаждущими моего тела лицами, я послал обнаружившегося сразу за дверями пажа найти Дина, который предположительно должен находиться на половине принцессы, и передать ему записку. Не найдя в приёмном зале никаких орудий письма, что в общем-то и не удивительно – где им быть-то, под меховой подушкой разве что... – я написал на обрывке какого-то счёта (кажется, на цветочные композиции), что отправляюсь с лордом Джонатаном к Шару

Судьбы, и один Странник ведаёт, что там произойдёт. Так что, если Дин не хочет пропустить это шоу, то пусть поторопится. Ещё добавил, что лорд Джонатан в курсе и на нашей стороне. Несмотря на то, что записку планировал запечатать личным перстнем, постарался обойтись общими фразами. Мало ли, какая у местных пажей и их руководства тяга к чужим, пусть и императорским, письмам, а бережёного, как известно, и Странник бережёт.

Дин появился буквально в последнюю минуту, когда я уже перестал его ждать и решил, что, видимо, или паж не передал письмо (или передал не Дину, что тоже не исключено), или обстоятельства не позволяют другу присоединиться ко мне. Дин быстрым шагом, почти бегом, раскланиваясь с многочисленными встречными придворными, спустился по ступеням парадного крыльца, увидел императорскую карету и, дождавшись моего разрешающего кивка, запрыгнул внутрь, практически без сил рухнув на сидение напротив.

– Ну что у тебя? – вымотанный тремя встречами и особенно разговором с бароном Рангером, вину Эдварда перед которым мне, боюсь, никогда не загладить, я искренне надеялся, что Дин сможет порадовать меня более оптимистичными сведениями.

– Элиза тебя любит, хотя и переживает из-за того, что ты в последнее время стал слишком жесток, капризен и высокомерен, уж извини, – выдал первую порцию сведений Дин, и я, не скрывая, перевёл дух: значит, хотя бы сестрицу я не успел против себя уж слишком настроить, уже хорошо.

– Это не я, это Эдвард, – пояснил я и поторопился объяснить обалдевшему Дину, – мы с лордом Джонатаном договорились того меня, который был тут раньше, называть Эдвардом: и похоже, и можно различить. Но знаем об этом ты, я и он, так как информация, как ты понимаешь, абсолютно секретная. Можно угодить в Башню, хотя ты, наверное, пока ещё не знаешь, что это такое. Это, – продолжил я, увидев, как Дин отрицательно покачал головой, – странное место, куда можно войти, но нельзя выйти, и я, который Эдвард, отправляю туда всех, кто мне так или иначе мешает, но официального повода для опалы вроде как нет. Объявляю безумцем, и всё – дверь захлопнулась, как крышка гроба, причём, насколько я понял, в самом прямом смысле этого слова.

– Удобно, – подумав, прокомментировал Дин, – и много ты, который Эдвард, успел туда народу спровадить?

– Немало, – нахмурился я, снова вспомнив полные ненависти глаза лорда Леонарда, – в том числе младшего сына старика Рангера.

– Ого! – Дин обеспокоенно взглянул мне в глаза. – А его за что? На какую мозоль тебе этот абсолютно, насколько я помню, безобидный юноша, пишущий совершенно бесталанные, но невероятно трогательные стихи, наступил?

– Эдвард решил, что он оказывает слишком откровенные знаки внимания леди Флоренс, – и, не дожидаясь вопроса, пояснил, – это, кстати, моя последняя фаворитка.

Дин не успел ничего мне ответить, так как за окном послышались громкие, но не слишком искренние приветственные крики, и я понял, что мы прибыли к месту проведения ритуала. Шепнув Дину, что всё обсудим вечером (если доживём) и получив ободряющий хлопок по плечу, я вышел из кареты и оказался на знакомой мне и по моему миру главной площади Руаллы, собственно, столицы нашей замечательной империи. Всё обозримое пространство было заполнено народом, который совершенно без энтузиазма подбрасывал в воздух шляпы и уныло выкрикивал приветственные лозунги. На балконах толпились любопытные горожане побогаче, но особой любви и в их взглядах я как-то не заметил. Ну да ладно, с этим будем разбираться позже.

Я поднялся по широким белоснежным ступеням к седому старику в ярко-синей хламиде со знаком Странника на груди. Судя по всему, именно он будет распорядителем в предстоящем мероприятии. Старик почтительно склонил голову, но в глубоком поклоне сгибаться не стал, видимо, имея достаточно для этого высокий статус. Я ответил вежливым кивком, чем вызвал

удивлённый взгляд и недоверчивое хмыканье. Нда, судя по всему, Эдвард даже элементарной вежливостью себя не слишком утруждал. Тем временем рядом со мной возник, как луч света в тёмном царстве неизвестности, лорд Джонатан, который произнёс прочувствованную речь о том, как рад он, как рад я, как рады все, что сегодня, наконец-то, во имя процветания империи, всем на радость и так далее... и тому подобное... Говорил лорд управляющий долго и красиво, а в итоге своего торжественного монолога сообщил, что сегодня Шар Судьбы назовёт имена десяти счастливиц, которые примут участие в традиционном Отборе невест для императора, то есть – для меня, любимого. А сам Отбор, как сообщил всё тот же лорд Джонатан, начнётся пятого июня, то есть меньше, чем через две недели, и продлится месяц, если, конечно, я не определюсь с выбором супруги раньше.

После этого лорд Джонатан вместе с по-прежнему неизвестным мне старцем в синем совершили какие-то загадочные пассы, при этом трудился в основном именно старик, и на площадке возник, словно ниоткуда, здоровенный шар жизнерадостного оранжевого цвета, напоминающий апельсин-переросток.

– Ну что, – бодро обратился ко мне Шар, – это тебе что ли невесту выбирать будем?

Я ошарашенно промолчал, так как искренне пытался понять, каким образом этот Шар говорит, если ничего, хотя бы отдалённо напоминающего рот, я, как ни старался, увидеть не смог. Такой научно-исследовательский интерес, видимо, Шару был непривычен, так как он, немного помолчав, повторил:

– Эй, ты, который в короне, ты что ли жених будешь?

Лишь чувствительный толчок локтем в бок от вставшего рядом и по-прежнему широко улыбающегося толпе лорда Джонатана привёл меня в чувство.

– Ваше величество, вы же знаете, что нужно сделать, – негромко проговорил барон, слегка выделяя голосом слово «знаете», – вот и не медлите, идите и приложите ладонь к Шару. Посмотрите, ваши подданные в нетерпении ждут начала церемонии, не стоит их... удивлять.

– Да, конечно, спасибо, лорд Флетчер, – благодарно кивнул я, заработав очередной недоумевающий взгляд от старика в синем, и тихонько шепнул, – в любом месте прикладывать или тоже есть правила?

– В любом, – успокоил меня лорд Джонатан и слегка подтолкнул в сторону загадочного Шара, который во время нашего с бароном короткого разговора крутился на месте, что-то негромко бормоча.

Когда я подошёл к нему, он замер и, как мне показалось, настороженно посмотрел на меня. И не важно, что смотреть ему, как и говорить, было нечем от слова совсем.

– Здравствуйте, – зачем-то вежливо поздоровался я с Шаром Судьбы, чем, судя по всему, поверг его в состояние культурного шока.

– И тебе не болей, – растерянно кашлянув, проговорил он, – а ты чего такой вежливый? Я про тебя другое слышал... Если ты думаешь меня такими приёмчиками подкупить, то ты не угадал, я абсолютно неподкупен.

– Никаких коварных планов, я просто недавно полностью перевоспитался, – я прижал руку к сердцу и постарался добавить в голос побольше убеждённости, – вышел, так сказать, на светлый путь исправления.

– Нда? – в голосе Шара послышалось явное сомнение, но, к счастью, развивать эту тему он не стал, а велел. – Ну давай, исправившийся наш, прикладывай ладошку-то, чего стоишь?

Понимая, что рано или поздно это всё равно придётся сделать, я глубоко вздохнул, шагнул к Шару и прижал ладонь где-то посередине. Шар на ощупь был на удивление приятный: тёплый, слегка шершавый и какой-то очень живой, настоящий. Ладонь чуть ощутимо покалывало, но, наверное, так было нужно, поэтому я стоял насколько мог спокойно и не дёргался. Тем временем Шар еле слышно загудел, словно внутри у него был некий механизм, слегка завибрировал, но вскоре затих и, как мне показалось, глубоко задумался.

– Ого! – неожиданно выдал Шар, и мы все вздрогнули от неожиданности: и лорд Джонатан, и старик в синей хламиде и, разумеется, я. – Ну ничего ж себе! Вот это да! Офигеть! – и, уже, видимо, обращаясь ко мне персонально. – Ну ты и попал, мужик!

Старик в синем удивлённо нахмурился, а мы с лордом управляющим откровенно напряглись: кто его, этот Шар, знает, как выдаст сейчас всем нашу тайну, и всё – в Башне для меня наступит день открытых дверей. Но Шар погудел ещё немного, причём теперь сквозь жужжащие тихие звуки явно прорывалось ехидное хихиканье.

– Можешь забирать ладонь, везунчик, – сообщил Шар, и я действительно почувствовал, что руку перестало покалывать, – сейчас будем с критериями определяться, ты же ведь понимаешь, что в моей базе о тебе, – тут Шар сделал многозначительную паузу, но, хвала Страннику, распространяться на скользкую тему не стал, – данных нет. Но это не беда, ради такого шоу я готов даже на сверхурочную работу. Итак, какую жену ты хочешь? И не переживай, кроме нас с тобой наш разговор никто не слышит: а что ты думал – уважение к личной жизни монарха, это тебе не кот чихнул.

– Честно? – я облегчённо вздохнул оттого, что хотя бы этот разговор с узнавшим каким-то загадочным образом обо всём Шаром не станет достоянием общественности. – Если откровенно, то никакую не хочу. Но, я полагаю, это – неправильный ответ?

– Правильно полагаешь, – одобрительно качнулся Шар, – этот вариант отпадает. Жениться тебе придётся, это я тебе как сваха с тысячелетним опытом ответственно заявляю. Так что думай теперь, прежде чем отвечать станешь – тебе ж жить-то. Начнём? Итак, возраст?

– В смысле? – я оторопел. – Это мы сейчас по анкетным данным определяться будем? Ты же Шар Судьбы – сам-то никак не можешь?

– Могу, – радостно согласился Шар, – но ведь со мной не поспоришь, кого выберу – те и участвовать станут. Так что считай это моим тебе бонусом... сам знаешь за что... Итак, возраст?

– Ну, не знаю, в пределах разумного, – я пожал плечами, – давай от семнадцати до двадцати пяти, что ли... Если родители не смогли спровадить девицу до этого возраста замуж, значит, с ней что-то не так. Зачем мне невеста со скрытыми дефектами?

– Хорошо, – внутри Шара что-то щёлкнуло, словно косточка на счётах казначея, – рост – вес?

– И это надо? – я задумался. – Вообще мне нравятся разные девушки, я как-то по росту и весу их не классифицировал. Так что давай чтобы не выше меня, а по весу... а можно разных? Но, – спохватился я, – в разумных пределах, а то предложишь мне девушку-тортик, а я к этому окажусь морально не готов...

– Обижаешь, – фыркнул Шар, и внутри него снова защёлкали невидимые косточки на невидимых же счётах. – Фирма гарантирует качество предоставленного ассортимента! Проверено временем! Ни одного недовольного клиента! Найдите дешевле, и мы вернём вам деньги! – тут Шар отвлёкся и спросил, – Красиво я говорю, да?

– Красиво, – не мог не согласиться я, – но непривычно...

– Воот, – нравоучительно протянул Шар и пояснил, – я тут не так давно был в одном мире, так там есть такая штука – называется «ре-кла-ма». Это когда тебе надо продать что-то, что просто так никто не покупает: или не надо, или дорого. Так мне до того понравилось – слов нет, я теперь тоже свой товар... как это... сейчас... погоди... ре-кла-ми-ру-ю... вот!

Я сделал вид, что понял, подумав, что потом, если будет возможность, надо Шар про это поподробнее порасспросить.

– По расам предпочтение есть? – вернулся к более прозаическим моментам отвлёкшийся Шар. – Могу предложить людей, эльфов, гномов, драконов, орков, вампиров и оборотней.

– Ого! – я искренне восхитился богатством выбора. – Ну, людей, само собой, вампиры мне вообще без надобности, как и драконы с орками и гномами.

– Между прочим, я бы тебе не советовал отказываться ни от эльфов, ни от оборотней. Кстати, гномочки тоже очень симпатичные попадают, хозяйственные опять же... – я посмотрел на Шар, но так и не смог определить, издевается он или говорит всерьёз.

– Тогда так, – я решил пойти на определённый компромисс, – четыре человека, две эльфийки, две оборотницы и две на твой выбор, только я тебя умоляю, не драконы и не орки! Остальное я как-нибудь переживу... Надеюсь...

– Прекрасный выбор! Наслаждайтесь! – пафосно воскликнул Шар, наверное, снова в соответствии с правилами той самой... как же её... «рекламы». – Подожди минутку, сейчас будет готово. – Шар снова едва слышно зажужжал, и действительно уже через минуту сообщил, – есть! Иди к своим сопровождающим, я сейчас объявлять буду. У меня всегда это замечательно получается, вот увидишь!

Я молча поклонился Шару и пошёл туда, где в явном нетерпении меня ждали лорд Джонатан и старец в синем (надо будет хоть узнать, кто это, а то невежливо как-то). Как только я подошёл к ним и успел успокаивающе кивнуть лорду управляющему, как Шар Судьбы окутала лёгкая золотистая дымка и над заполненной народом площадью поплыл звучный голос:

– Граждане Руальской империи! Жители славного города Руаллы! Сейчас вы узнаете имена десяти счастливиц, которые смогут в этом году участвовать в Императорском Отборе невест! Итак, это леди Виолинэль Золотая Лилия, эльфийский клан Золотых Лилий из Старого Леса.

При этих словах Шара из золотистого облачка вылетела магическая бабочка и стремительно полетела на север, где находились чащи Старого Леса. Все, включая меня, проводили первую магическую вестницу зачарованными взглядами. Затем всеобщее внимание вновь сосредоточилось на Шаре.

– Леди Лайолинель Хрустальная Капля, эльфийский клан Хрустальной Капли из Предгорий.

Второй вестник, на этот раз в форме переливающегося всеми цветами радуги шарика устремился в сторону таинственных Предгорий, о которых я, к стыду своему, знал позорно мало. Шар тем временем продолжал:

– Леди Арианна из клана Серой Тени и леди Янисса из клана Пылевого Вихря, – следующие два вестника отправились в два клана оборотней, но, если о Серой Тени я знал – это были оборотни-волки, но про Пылевой Вихрь услышал впервые. Надеюсь, там не комары и не лягушки...

– Леди Сильвена из семьи Полуночных Охотников, – произнёс Шар, и я чуть банально не шлёпнулся на пятую точку, потому что Полуночные Охотники – это самый сильный клан вампиров на несколько государств вокруг, во всяком случае, в моём мире было именно так. Судя по вытянувшемуся от удивления лицу лорда Джонатана и ропоту в толпе, не только в моём.

– Леди Саманта Греммлх, княжна Ригеррского княжества, – продолжал медленно вгонять меня в тоску Шар, так как знаменитое Ригеррское княжество славилось своими ювелирами, и жили там почти исключительно гномы. Ну Шар, ну погоди...

– Леди Ирена Ставиская, графиня Ковельская! Леди Марианна Коллинз, баронесса Шлезгильская! Леди Иоланта дель Росси, графиня Венесская и леди Розалинда дель Строцци, графиня Ариано!

Ещё восемь магических вестников различной формы и цвета отправились на поиски своих адресатов, а я вдруг почувствовал колоссальную усталость, даже с Шаром ругаться не хотелось. Наверное, в глубине души я понимал, что если он сделал такой выбор, значит, на то у него были свои веские причины. Народ на площади принялся оживлённо обсуждать произошедшее, строить предположения по поводу конкурсов, а я молча сел на ступеньки лестницы и закрыл глаза. Так я просидел, наверное, минут пять, пока не почувствовал рядом чьё-то при-

существование и не обнаружил, лениво приоткрыв один глаз, Дина, который присел рядом и смотрел на меня с неприкрытым сочувствием.

Глава 4

Розалинда

Шёлковое платье с изящной отделкой из кружев нежного лавандового оттенка было восхитительно красивым, и я кружилась перед огромным, во всю стену, зеркалом, любуясь собой, платьем, великолепным солнечным днём, заглядывавшим в украшенный колоннами светлый зал через высокие арочные окна. Ощущение абсолютного, ничем не омрачённого счастья заполняло меня от макушки до кончиков потрясающе красивых туфель на высоком тонком каблучке. Я, запрокинув голову к украшенному лепниной потолку, весело и беззаботно рассмеялась, радуясь жизни, солнцу, свету.

Но вдруг в углу зала, куда не смогла добраться живительная сила солнечных лучей, внезапно сооткнулся сначала небольшой клочок тумана, который постепенно рос, расширяясь, словно раздуваясь, затягивая своей бледной тенью окна, прогоняя тёплый и живой солнечный свет. От туманной завесы отделился завиток и, скрутившись в серую колышущуюся спираль, приблизился ко мне. Зависнув где-то на уровне моей перепуганной мордашки, он принял форму удивительно красивого и в то же время невероятно отталкивающего мужского лица. Туманный красавец, гипнотизируя меня взглядом незрячих глаз, приблизился и, наклонившись к самому моему лицу, проговорил... странно знакомым хриловатым шепотком:

– Лиин... Лиин... Лиин же... Ну встааааай... Ну ты же уже не спишь, я же вижу, ну встааааай... – к шёпоту добавились прикосновения горячей, влажной и почему-то шершавой тряпочки, которой кто-то (уж наверняка не туманный красавец, что в общем-то не может не радовать – ужасно жуткий тип!) протирал мои щёки. – Лин, ну вставай, ну очень срочное дело, ну вставай...

С трудом придя в себя и окончательно вынырнув из странного сна, я со стоном открыла глаза и увидела прямо перед собой ярко-рыжую мохнатую мордочку с хитрыми золотистыми глазками. Их обладатель удобно расположился у меня на груди, лёжа на пузе, и теперь пытался высвободить застрявший в одеяле коготок. Одеяло не поддавалось, коготь застрял капитально, но Крис, а это был именно он, не сдавался и только сердито шипел.

– Что ещё за «ну очень срочное дело»? – сонно спросила я у «Кристофера-младшего-фамильяра-в-тринадцатом-поколении», который, к счастью, охотно отзывался на простое имя Крис. – Оно не могло подождать ещё хотя бы полчаса?

– Нет, – прошептал котёнок, не прекращая попыток высвободить завязший коготь, – не могло...

– И что же это за дело? – я хотела помочь с когтем, но Крис сердито фыркнул, так как, насколько я уже успела узнать, любил самостоятельность и не собирался делить победу над коварным одеялом ни с кем.

– Я кушать хочу, – трагическим шёпотом сообщил мне этот рыжий наглец, – а кушать-то и нечего...

– Как это – нечего? – я удивлённо приподняла бровь. – Я же вчера тебе оставила целую здоровенную котлетину, а ты говоришь – нечего?

– Здоровенную? – Крис так возмутился, что даже прекратил сражаться с одеялом. – Это ты вот ту малюсенькую котлетку называешь здоровенной? Лин, да там есть-то нечего было... так что она ещё вчера кончилась....

Поняв, что поспать мне больше никто не даст, я тяжело вздохнула, сделала вид, что не замечаю укоризненного взгляда рыжего нахала, сдвинула его вместе с одеялом и встала. Подошла к окну и убедилась, что на дворе по-прежнему лето: после вчерашних катаклизмов я уже ни в чём не была уверена, так что лучше перепроверить. Как и была, в пижаме, побрела на

кухню, демонстративно не обращая внимания на сначала сердитое, а потом жалобное мявканье за спиной.

Налила в кастрюльку молоко, засыпала овсянку, убавила огонь и пошла умываться, в надежде, что холодная вода всё-таки заставит меня проснуться: видимо, организм настоятельно требовал отдыха после вчерашнего бурного дня.

Когда я уже достаточно бодрая, умытая и даже причёсанная, вернулась в кухню, овсянка как раз дошла до готовности, и я по привычке поставила на стол две тарелки: для Хоря и для себя. Потом вспомнила вчерашние, мягко говоря, неоднозначные события и со вздохом убрала вторую тарелку в шкаф, вместо неё достав маленькое блюдо. Положив каши себе, шлёпнула пару ложек еды в блюдечко и поставила на пол возле стола.

– Крис, – позвала я нового обитателя нашего с Хорём дома, приоткрыв дверь, – Крис, малыш, иди завтракать.

Из комнаты раздались звуки отчаянной возни, какой-то стук, шлепки и скрип, словно там возился не маленький котёнок, а как минимум медведь. Потом наступила тишина, и в кухню аккуратно протиснулся Крис, бодро прошёлся вокруг стола, проигнорировав блюдо с овсянкой, сел на пушистую рыжую попу и преданно уставился на меня.

– Что? – спросила я, дуя на ещё обжигающе горячую кашу. – Сейчас остынет, потерпи немножко.

– Что остынет? – с искренним недоумением поинтересовался Крис, оглядываясь в поисках невидимой еды.

– Как что? Еда, – я тоже непонимающе посмотрела на него, – вот, в блюде, ты что, не видишь?

– Что это? Каша?! – в хриловатом голосе Криса было столько удивления пополам с возмущением, что я даже есть перестала.

– А что тебя не устраивает? На завтрак все едят кашу: это полезно, питательно и вкусно.

– Лин, я не ем кашу, – голосом провинциального трагика прошептал Крис, – мама на завтрак всегда готовила что-нибудь вкусненькое... котлетки, например, или рыбку...

– Нет у меня ни рыбки, ни котлеток, – проворчала я, – зато есть полезная овсянка, её надо есть, и тогда вырастешь большой и красивый.

Крис потерянно молчал, и, когда я посмотрела на него, из круглого золотистого глаза выкатилась прозрачная слезинка и упала на пол, прочертив мокрую дорожку на рыжей пушистой шерсти. Котёнок молча встал, развернулся и медленно побрёл к выходу из кухни, оскорблённо подрагивая мохнатым хвостом. Я тут же почувствовала непреодолимое желание перевернуть вверх ногами весь дом или ограбить трактир, лишь бы найти для страдающего Криса вожака котлетку или рыбку.

– Говорила мне мама: не становись фамилльяром, сыночка, будь лучше предсказателем в лавке или вообще заявись на конкурс для императорских котов – ты у меня такой красивый! А я не послушал её, поверил папе – приключения, говорит, ведьма симпатичная, опасности, путешествия... Я и поверил! И что в итоге? Только что ведьма симпатичная, а остальное где, я вас спрашиваю? И ведь никто, никто не предупредил об овсянке... Даже слово такое противное – овсянка... Фу! Никто меня не любит... никому меня не жалко...

Котёнок страдал так вдохновенно, так душераздирающе, что я чуть не разрыдалась вместе с ним, но сдержалась, подхватила его на руки и, уткнувшись носом в пушистый загривок, пахнущий почему-то плюшевой игрушкой, прошептала:

– Я обязательно найду для тебя рыбку или котлетку, Крис, честное слово! Просто, понимаешь, я, конечно, ведьма, но у меня никогда не было фамилльяра, я и не знаю, как с вами обращаться-то...

– Обещаешь? – голосом умирающего лебедя прошептал Крис, бессильно обмякнув у меня в руках. – Не обманешь, Лин? Сегодня рыбку, а завтра котлетку, да?

– Да... Обещаю, – поклялась я со слезами на глазах и чуть не выронила Криса, когда он извернулся в моих руках и, спрыгнув на пол, пошагал в сторону кухни.

– Ну иди, доедай свою отраву, – проворчал он как ни в чём не бывало, подходя к блюдцу с овсянкой. Брезгливо подрагивая усами, ткнулся в неё носом, фыркнул, облизнулся, и в пять секунд стрескал всю кашу, которая была в блюдечке, – Отрава, как есть отрава... Лин, ты больше такого не вари... ты пообещала...

И, пока ошарашенная я соображала, что ответить этому наглому шантажисту, этому лицемерному прохиндею, этой наглой рыжей морде, Крис вышел на крыльцо и улёгся на солнышке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.